Как перевоспитать герцога

Автор:
Меган Фрэмптон

Как перевоспитать герцога

Меган Фрэмптон

Герцоги с плохим поведением #1Очарование (ACT)

Славу о богатстве и знатности герцога Резерфорда затмевала лишь его скандальная известность повесы, который, несмотря на порицание света, решился поселить в своем доме внебрачную дочь. Лили Рассел прекрасно понимала, в какой опасности окажется, если займет место гувернантки его маленькой дочери, но ей ли, сироте с крайне незавидной репутацией, было выбирать? Однако Лили поклялась себе: она не пополнит список побед герцога – и упорно противостояла самым искушенным и изысканным его попыткам обольщения. Поначалу Резерфорд изумился характеру гувернантки, потом ощутил приступ настоящего охотничьего азарта, чего не случалось с ним давно. Но постепенно жгучий интерес к хорошенькой гордячке стал превращаться в другое чувство – не менее пылкое, но куда более нежное…

Меган Фрэмптон

Как перевоспитать герцога

Megan Frampton

THE DUKE'S GUIDE TO CORRECT BEHAVIOR

© Megan Frampton, 2014

© Перевод. Я. Е. Царькова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Герцогам, так же как генералам, дворецким и иным ответственным лицам, категорически запрещается заниматься какой-либо полезной работой на глазах окружающих. Герцоги, а также генералы, дворецкие и иже с ними ничего никогда не делают сами. Иногда, в случае досадной недогадливости тех, кто ниже герцога в табеле о рангах, герцог может озвучить свое желание и отдать соответствующее распоряжение. Притом что герцогу не следует слишком злоупотреблять даже такого рода деятельностью, ему абсолютно необходимо добиться от всех прочих ясного понимания того, как им следует вести себя с титулованными особами самого высокого ранга.

Таким образом, герцог может делать все, что он пожелает, путем ничегонеделанья.

«Энциклопедия этикета для герцога»

Глава 1

На дне бутылки из-под бренди

На последнем (третьем) участке пути ко дну бутылки (еще на треть наполненной бренди)

Спальня герцога

Лондон, 1840 год

Маркус недовольно скривился при виде свидетельств недавнего буйного кутежа в бальном зале, который им лично никогда не использовался по своему прямому предназначению, а именно для проведения банкетов, балов или иных светских мероприятий.

Рядом с хаотично расставленными стульями, прямо на полу валялись пустые бутылки из-под бренди. В том же художественном беспорядке, и не только на полу, но и на стульях и прочей мебели, были разбросаны разнообразные предметы дамского туалета, включая корсет, надетый на бронзовый бюст одного из очень мужественных и суровых предков Маркуса. Тарелки с остатками еды стояли неубранными, и один из котов, не пожелавший покинуть помещение, вернее сказать, у которого не хватило духу его покинуть, деликатно подъедал то, что пришлось ему по вкусу, в то время как второй кот настойчиво терся о скрещенные лодыжки Маркуса.

– Так ты, кажется, говорил о том, как трудно быть герцогом?

Подчеркнуто нейтральный, без намека на заинтересованность тон Смитфилда мог засушить кого угодно и что угодно. По своей сухости он мог сравниться только с сухостью в горле Маркуса. Впрочем, Маркус знал, чем излечить этот недуг.

Он осушил бокал, после чего, глядя на Смитфилда, попытался придать своему лицу выражение крайней степени досады. Нельзя сказать, что лицевые мышцы вполне справлялись с поставленной задачей. Смитфилд был одним из двух приятелей Маркуса, с которыми он познакомился сравнительно недавно. Второй его собутыльник, Коллинз, устроившись на диване, крепко спал, накачавшись бренди – тем самым, что принадлежащая Коллинзу судоходная компания регулярно завозила на Туманный Альбион из солнечной Франции. Сам Маркус

уснул раньше Коллинза и, проснувшись, чувствовал себя уже почти трезвым.

– И тебе мои доводы представляются нелепыми, – хмуро констатировал Маркус, но, перехватив ироничный взгляд Смитфилда, невольно улыбнулся. – Ты прав. Мне грех жаловаться на судьбу. Я герцог, у меня нет финансовых проблем, я не женат, здоров как бык и могу делать почти все, что захочу.

– Ключевое слово тут – почти. Или я не прав? – сказал Смитфилд, заполнив затянувшуюся паузу.

– Герцог обязан обзавестись наследником. А для этого он должен жениться на девице с подходящей родословной, которая будет исправно рожать ему сыновей. С запасом, что называется. Плодиться и размножаться – вот главное предназначение носителя титула. Словно у племенного быка. Когда я об этом думаю, мне хочется затянуть вот этот корсет вокруг горла и свести счеты с жизнью, – печально сказал Маркус, кивнув на бюст предка. – Мало того, что я вынужден вести жизнь, к которой никогда себя не готовил, мне еще придется жить бок о бок с женщиной, которую я в лучшем случае буду слегка недолюбливать, а в худшем – ненавидеть всеми фибрами души.

– Ужасная перспектива, – все тем же скучающим тоном заметил Смитфилд. – Ты должен жениться и вести презренную жизнь герцога, в то время как ты мог бы… Кстати, а что ты делал полгода назад, до того, как унаследовал титул? Или даже так: что бы ты хотел делать, если бы мог?

«Я бы хотел исчезнуть. Уехать на край земли. Чтобы быть свободным. Свободным от любых забот и обязательств».

– Я раньше много гулял. Ну да, я люблю ходить пешком. Долгие прогулки делают меня почти счастливым. – Маркус отдавал себе отчет в том, что он никогда бы не признался в своей любви к прогулкам, если бы не выпил столько бренди. Как бы там ни было, он все еще надеялся, что ему повезет, и завтра ни он сам, ни Смитфилд уже не вспомнят об этом жалком крике души.

И провалу в памяти они будут опять-таки обязаны бренди из трюмов кораблей Коллинза.

– Выходит, до того, как стать герцогом, ты любил ходить пешком?

Тон Смитфилда изменился. В нем появились нотки, смахивающие на легкую заинтересованность. Словно он понял, что Маркус говорил о почти… сокровенном. Даже если Смитфилд догадывался о том, что Маркус сказал не вполне то, что хотел сказать. Но ведь Смитфилд не мог догадаться о том, что конкретно хотел сказать Маркус, потому что для того, чтобы об этом догадаться, надо знать, что может сделать Маркуса счастливым. Маркус точно знал, что ни пьянство, ни азартные игры, ни блуд счастливым его не сделают. Еще до того, как вступить в наследство, он экспериментальным путем выяснил, что пьянство не приносит ему удовлетворения, как, впрочем, и азартные игры, и блуд. Маркус путешествовал по миру, и в разных странах он пил, играл и блудил и по возвращении в Лондон обнаружил, что в собственном доме пить, играть и блудить немного приятнее просто потому, что в гостях хорошо, а дома лучше.

Если не брать в расчет отменное качество бренди и мягкий роскошный мех унаследованных вместе с титулом котов, к которым он, кажется, уже привязался, Маркус не находил в новом статусе никаких преимуществ.

– Да, я любил ходить пешком, – ответил Маркус и поднял взгляд на Смитфилда. Тот уже отключился и храпел. Маркус покачал головой, осушил бокал и наклонился, чтобы почесать под подбородком черно-белого кота. Кота, похоже, гораздо больше общения с хозяином интересовала еда. Итак, общаться Маркусу было не с кем, разве что с самим собой. Привычная ситуация. «Все лучше, чем вынужденно общаться с теми, от кого с души воротит», – привычно утешил себя Маркус.

– Я раньше постоянно гулял, гулял один, и никто меня не искал, и никто за меня не волновался, и никому не было до меня никакого дела, – сказал Маркус, обращаясь к коту, которому не было никакого дела до Маркуса. Коты, приобретенные прежним герцогом, прилагались к титулу и были, по мнению Маркуса, куда ценнее самого титула. Он налил себе еще немного бренди из запасов Коллинза, но пить не стал. – Гулял, пока отец не запретил мне бродить по окрестностям, потому что, как он сказал, «то, что позволено бродяге, не позволено джентльмену, даже если он не наследник». – Маркус сделал маленький глоток. – А потом отец умер и брат умер, и когда умер герцог, первым в очереди внезапно оказался я. А ведь я едва знал покойного. И вот я здесь, живу в его доме, владею его титулом, его котами и трачу его деньги. – Ком в горле мешал Маркусу дышать. – Все это словно и не мое. Я не чувствую себя здесь своим. – Он грустно вздохнул. – Хотя, если на чистоту, я нигде себя своим не чувствую.

Кот, мудрое создание, уже спал.

Был ли причиной внезапной смены настроения вчерашний (и уже сегодняшний) бренди или что-то иное, но только вселенская грусть как-то слишком стремительно сменилась раздражением и даже злостью. Маркуса ужасно раздражало отсутствие ясности в самом главном: он не знал, чего хочет от жизни.

Но зато он точно знал, чего не хочет. Он не хотел, чтобы эти двое спящих мужчин продолжали спать в его бальном зале. Людей – вон, а коты пусть останутся.

– Вставай, – громко сказал Маркус и, подойдя к Коллинзу, ткнул его пальцем в грудь. Коллинз нахмурился, отмахнулся от пальца Маркуса, словно от назойливой мухи, и вывел особенно звучную и крайне неприятную на слух руладу.

Маркус ткнул Коллинза во второй раз, но только уже не в грудь, а в мягкий толстый живот. Коллинз рывком сел, скинул ноги с дивана и нервно подскочил. Стук каблуков о паркет эхом пронесся по залу.

– Я встал, – доложил Коллинз, озадаченно поглаживая себя по волосам. – Что происходит? Смитфилд умер?

Маркус бросил взгляд на Смитфилда. Тот пока дышал.

– Вроде жив, – сказал Маркус. – Но вы оба должны уйти.

Маркус уже успел по достоинству оценить одно из преимуществ герцогского титула. Герцог не обязан никому ничего объяснять. Слово герцога – закон, а законы, как и приказы, не обсуждают. Герцогу достаточно сказать: «Вы должны уйти». Или, скажем, среди зимы: «Я хочу клубники». Или еще: «Переставьте мебель во всем доме». Он пока не требовал клубники среди зимы и полной перестановки мебели в доме тоже, но сознание того, что такого рода возможности перед ним открыты, грело ему душу.

Последнее из перечисленных выше пожеланий он берег на самый черный день.

– Ты кого-нибудь ждешь? – спросил Коллинз. По всей видимости, он не понимал, что герцог не обязан ни перед кем отчитываться. Маркус не стал затруднять себя ответом на вопрос, он просто подошел к дивану, на котором спал Смитфилд, и ткнул его в живот. Живот у Смитфилда был плоским и твердым, но эффект оказался таким же, как и в случае с Коллинзом: Смитфилд сел, спустив ноги на пол, и заморгал в недоумении. Волосы его торчали в разные стороны в вопиющем противоречии с законом всемирного тяготения.

– Вон.

Смитфилд кивнул, посидел немного, тупо уставившись в пол, затем встал и, покачиваясь, направился к дивану, возле которого по стойке «смирно» стоял Коллинз.

Окинув Маркуса холодным взглядом, Смитфилд, глядя прямо в глаза собеседнику, спокойно сказал:

– Надеюсь, вы найдете то, что ищете, ваша светлость.

Смитфилд не стал дожидаться ответной реплики, и это к лучшему, ибо у Маркуса не было в запасе подходящего ответа. Потому что, если бы даже Маркус знал, как на это ответить, ему пришлось бы промолчать, если он действительно хотел избавить себя от общества своих вчерашних собутыльников. Как бы там ни было, Смитфилд взял Коллинза под руку и повел к двери.

Но не успели они выйти, как раздался громкий стук в дверь.

«Кого еще принесло?»

– Войдите, – сказал Маркус, стоя спиной к двери. Коты стучать в дверь не умеют, а больше никого он видеть не желал.

Когда же он стал брюзгой? Как ни странно, у него был ответ на этот вопрос. Ему было лет восемь, когда он, случайно подслушав отца, узнал, что его родитель глубоко сожалеет о том, что он, Маркус, мало похож на брата.

С тех пор прошло двадцать лет – больше чем достаточно, чтобы забыть обиды. К тому же ни отца, ни брата уже не было в живых. Все так, но только с годами боль не притупилась.

Маркус услышал, как открылась дверь, как прочистил горло дворецкий. Вот это уже кое-что. Если Томпсон прочищает горло, значит, на то есть очень веская причина. Заинтригованный Маркус обернулся и застыл с открытым ртом.

Причина покашливания Томпсона была налицо. Весьма любопытная причина.

Девочка. Маленькая девочка с темными волосами, в грязном платье и с огромными глазами. Никогда прежде не видел он людей с такими большими глазами, как у этой девочки. Он смотрел на нее, и она смотрела на него.

– Это Роуз Досет, – объявил Томпсон.

– Вон, – тотчас сказал Маркус, но, увидев, как Томпсон потянул девочку за руку, собравшись увести ее из этой комнаты бог знает куда, поморщился и, кивнув в сторону двух своих собутыльников, не отводя от девочки взгляда добавил: – Это я не вам, а им сказал.

Девочка продолжала во все глаза смотреть на Маркуса.

Смитфилд и Коллинз спешно покинули помещение, сбив по дороге всего одну полупустую бутылку. Под мерную капель из бренди Маркус и девочка молча рассматривали друг друга.

Томпсон во второй раз деликатно покашлял, прежде чем сказать:

– Ваша дочь, ваша светлость.

Лицо у девочки было относительно чистым. По крайней мере, по сравнению с ее платьем. Что касается сложения, девочка выглядела худощавой, но не худосочной. А лицо ее словно состояло из одних только не по-детски серьезных глаз, которые смотрели на него в упор.

У Маркуса сладко засосало под ложечкой – полузабытое ощущение сродни светлой грусти. Или как бывает во сне, когда ты знаешь, что тебе надо срочно что-то сделать, но никак не можешь вспомнить, что именно. Но от него не требовалось никаких действий. Он в своем теперешнем статусе мог делать все, что захочет.

Он и не предпринимал ничего, что не мешало ему злиться на себя из-за собственного бездействия. Отчего же раньше он мог ничего не делать, не испытывая при этом никаких угрызений совести? С тех пор как он закончил учиться, никто никогда ничего от него не требовал. Тогда почему сейчас ему было не по себе?

Маркус попытался мысленно встряхнуться, и вдруг до него дошло, что все то время, что он смотрит на девочку, девочка смотрит на него и пытается разгадать его намерения. И, вполне возможно, со страхом ждет, что он сейчас прогонит ее точно так же, как прогнал тех двоих у нее на глазах. Хотя, возможно, она ни о чем таком не думала и все это Маркус придумал себе сам, потому что знал, что совесть его нечиста.

Он уже встречал похожий взгляд. Так иногда смотрят на него коты.

Но…

– Вы сказали Досет? – уточнил Маркус, по-прежнему не отводя глаз от девочки.

– Досет, ваша светлость, – подтвердил Томпсон.

– Ее мать… Ее мать… – Маркус замолчал, словно ему было неловко поминать мать в присутствии ее дочери.

В ее молчаливом, неподвижном, угнетающем присутствии.

Фиона Досет. Маркус с трудом вспомнил ее имя.

Она забеременела, когда они были любовниками, и Маркус распорядился насчет содержания на ребенка. Он даже не потрудился поинтересоваться, какого пола его отпрыск. Сказать по правде, он не хотел ничего знать о нем или о ней.

Внезапно при виде этой маленькой молчащей девочки его тогдашнее равнодушие представилось ему порочным, даже преступным.

– Прикажете отправить ее в голубую спальню? – спросил Томпсон, словно его дочь была ненужным хламом, который надо срочно убрать с глаз долой. И в этом была своя горькая правда.

Девочка… Роуз… крепко зажмурилась, когда Томпсон задал свой вопрос. Маркус почувствовал теснение в груди. Этот ее взгляд… Он был ему знаком. В детстве, глядя в зеркало, он не раз встречал тот самый потерянный взгляд, хотя лицо его обычно бывало значительно чище.

Этот взгляд говорил: «Я не нуждаюсь ни в любви, ни в участии, потому что здесь никто меня не любит». Потому что здесь никому нет до меня дела.

Хотя, возможно, он всего лишь вложил в голову этой девочки свои мысли, а она думала совсем о другом.

– Нет, не сейчас. Не отводите ее в голубую спальню сейчас, – ответил Маркус, пытаясь смягчить тон. Ему никогда прежде не приходилось проделывать подобную процедуру с собственным голосом, и отсутствие опыта сказалось на результате. – Мы с мисс Роуз будем пить чай во втором салоне. – С этими словами он протянул девочке руку, и она, пусть не сразу, вложила свою маленькую ладошку в его ладонь. И в этот момент Маркус почувствовал, что на него… сошла благодать?! Осталось только понять, что это такое и что с этим делать.

Частное агентство по найму элитного домашнего персонала объявляет об открытии офиса в доме номер сто тридцать пять на Плам-лейн и приглашает всех желающих воспользоваться предоставляемыми услугами.

Агентство осуществляет посредничество между заслуживающими доверия домашними работниками любой специализации и нанимателями, которым срочно требуется помощь по дому. Мы специализируемся в подборе камеристок, дворецких, экономок и гувернанток. Агентство по найму элитного персонала принадлежит группе благовоспитанных дам, которые имеют четкое представление о нуждах и желаниях элиты.

Мы называемся элитным агентством, но служим всем слоям общества.

«Энциклопедия этикета для герцога»

Глава 2

Прикрепленный к двери колокольчик зазвенел, оповестив Лили о том, что в офис, где она уже три часа, не разгибаясь, корпела над бухгалтерскими книгами, пришел посетитель. Лили встала и потерла затекшую спину. Три совладелицы агентства дежурили в конторе по очереди, заодно занимаясь делопроизводством и бухгалтерией, и сегодня была очередь Лили.

Дела у них с самого начала пошли неплохо. К слову сказать, они открылись всего пару месяцев назад и снабжали работой (и время от времени подложными рекомендательными письмами) женщин с, так сказать, сомнительным прошлым. За время, прошедшее с открытия агентства, им удалось удачно пристроить целых шесть молодых женщин с подмоченной (по разным причинам) репутацией. Лили и ее партнершам было не понаслышке известно, как подмоченная репутация снижает шансы на получение достойной работы с приличным заработком, и потому их бизнес помимо прибыли приносил своим хозяйкам еще и моральное удовлетворение, что, как известно, случается нечасто.

Открыв дверь, Лили увидела на пороге молодого человека в ливрее лакея. Визитер смерил ее презрительным взглядом и, не удосужившись пройти внутрь, протянул сложенный вчетверо листок бумаги.

– Велено передать тому, кто предоставляет гувернанток, – презрительно процедил посетитель.

Лили развернула листок и принялась читать, и уже к концу второго предложения (которых и было всего два) глаза у нее полезли на лоб.

«Срочно требуется гувернантка. Соискательниц на должность посылать к герцогу Резерфорду, в Мейфэр».

Лили, не веря своим глазам, перечитала записку раз, потом другой.

Неужели настоящий герцог решил прибегнуть к услугам их агентства?! До сих пор самым «элитным» из клиентов их элитного агентства был внучатый племянник барона. Но что такое внучатый племянник барона по сравнению с герцогом? Все равно что крысолов по сравнению с бароном! Удача сама плыла им в руки. Если герцог останется доволен их работой, агентство станет элитным не на словах, а на деле, со всеми вытекающими последствиями, в том числе и финансовыми. Работы точно прибавится, и они смогут удачно пристроить всех тех несчастных женщин, что приходят сюда в поисках приличного места. Владелицы агентства и мечтать не могли о таком чуде.

Но нельзя поддаваться эмоциям. Вообще-то Лили не была склонна к авантюрам, но понимала, что сейчас риск оправдан как никогда. Хочет она того или нет, придется выйти из тени, куда ее в свое время загнали обстоятельства. Лили, в отличие от своего родителя, была и разумной, и ответственной, и совсем не хотела испытывать судьбу. В свое время отец ее из-за пагубной любви к риску оставил семью без гроша. Но она не станет думать об этом сейчас, не станет вспоминать, как страдала, как опустила руки и как, словно свеча, растаяла ее мать.

Отец рисковал потому, что ему это нравилось, но она, Лили, не такая. Если она и прибегнет к риску, то не ради азарта, а из-за осознанной необходимости. Как раз сейчас подходящих кандидатур на должность гувернантки у агентства не было, но она не имела права упустить шанс, который дается раз в жизни. Значит, придется рисковать. Придется принять удар на себя.

– Я жду, – недовольно напомнил ей лакей.

Ах да, кажется, она слишком много думает, и, похоже, избавиться от этого недостатка ей никогда не удастся.

Лили стремительно обернулась к лакею, прижимая к груди листок, словно боялась, что его отнимут.

– Вам не придется ждать. У меня есть идеальная кандидатура. Она прибудет по указанному адресу через полчаса.

Лили не видела необходимости сообщать этому снобу в лакейской ливрее о том, что идеальной кандидатурой является она сама.

И только убедившись в том, что дверь в офис плотно закрыта изнутри, Лили принялась бегать вокруг стола, размахивая над головой запиской герцога и визжа от радости.

Педантичная и сдержанная Лили, каким-то образом уживавшаяся в одном теле с той Лили, что сейчас вприпрыжку скакала по комнате, была в ужасе.

Но, право, повод для необузданной радости у нее имелся, и если бы Аннабель и Кэролайн были сейчас здесь, они бы пустились в пляс вместе с ней. Ведь ради этого они и создавали агентство (не для того, чтобы скакать и визжать, а для того, чтобы помогать женщинам, попавшим в трудную жизненную ситуацию), но она никак не ожидала, что столь удачная возможность откроется так скоро.

Лили схватила бумагу и карандаш и черкнула своим партнершам записку, сообщив, где она находится и кем является их новый клиент. Оставив записку на столе, она надела плащ, вышла из конторы, заперла за собой дверь и отправилась на собеседование.

Разумеется, лишь после того, как издала последний вопль радости.

Радостное возбуждение, в котором пребывала Лили с того самого момента, как прочла записку герцога, несколько поутихло к тому моменту, как она поднялась на площадку перед внушительной парадной дверью герцогского дома. Лили никогда не бывала в домах, подобных этому, и не могла представить, как в таких хоромах можно жить и не потеряться. Это был даже не дом, а дворец.

Ей уже было страшно, а ведь она еще ни с кем даже поговорить не успела. Сделав глубокий вдох, девушка постучала в дверь. Стук дверного молотка, многократно усиленный эхом, разнесся по холлу, и Лили затрепетала от благоговейного ужаса при мысли о том, что она осмелилась нарушить величавый покой дворца, беззастенчиво стукнув молотком по столь внушительной

парадной двери.

Эту дверь ей уже никогда не забыть.

Между тем та самая дверь широко распахнулась, и пожилой джентльмен с умеренно презрительным выражением лица окинул ее беглым, но проницательным взглядом, с ходу заметив и изрядную поношенность ее плаща, в силу своей ветхости почти утратившего способность защищать от холода, и дешевизну ее перчаток, чей материал и покрой, безусловно, оставляли желать лучшего.

– Я пришла, чтобы… – преодолевая робость, сказала Лили, но открывший дверь джентльмен ее перебил:

– Я знаю. И вам следовало бы заходить с черного хода. Но раз вы уже здесь, проходите.

Неужели все слуги герцога такие напыщенные и высокомерные? Или только те двое, с кем ей довелось познакомиться? Как бы там ни было, надо бы взять это на заметку. Лили совсем не хотелось провалить собеседование, и если сюда берут на работу только снобов, она должна показать, что умеет задирать нос не хуже, чем тот лакей и этот дворецкий.

Лили проследовала за самодовольным дворецким в фойе, стараясь не смотреть без надобности по сторонам. Любопытство не самое лучшее качество для прислуги, к которой она мысленно относила и гувернанток.

– Ждите здесь. Я сообщу герцогу, что вы прибыли, – сказал дворецкий и, оставив Лили в фойе, зашел в одну из комнат справа от входа.

Роскошная обстановка фойе подействовала на Лили угнетающе. Не хотелось даже думать о том, как подействует на нее обстановка того помещения, где будет проходить собеседование!

Лили насчитала в фойе десять дверей. Трудно представить себе назначение всех этих комнат. Может, герцог выделил по комнате для каждого из своих пальцев? «О нет, мистер Большой палец, сейчас не ваша очередь. Сегодня мы будем в

комнате Безымянного пальца». Или он проводит каждый день недели в разных комнатах, а три оставшиеся приберегает для праздников, дней рождения и… Нет, эта задача ей не по силам. Если у каждой комнаты действительно есть свое предназначение, то герцогу можно только посочувствовать. Как же трудно быть герцогом! Все время помнить, за каким пальцем какая комната закреплена, и следить за тем, чтобы никто не заходил в комнату Дня благодарения на Михайлов день. Или наоборот.

Лили подскочила от неожиданности, когда прямо у нее над ухом раздался голос дворецкого. Лили не услышала, как он подошел. Уму непостижимо, как ему удавалось бесшумно перемещаться по дому и так же бесшумно открывать и закрывать двери!

– Герцог примет вас сейчас, – сообщил дворецкий, демонстрируя виртуозное умение насыщать презрением каждое слово, не выходя за рамки приличий.

Дворецкий направился к одной из многочисленных дверей. Лили поспешила следом.

Широко распахнув дверь, дворецкий торжественно объявил:

– Леди к вашим услугам, ваша светлость.

После чего быстрым кивком дал Лили знать, что ей следует войти.

Девушка вошла и тут же решила, что эта комната называется розовой, поскольку почти все предметы обстановки были розового цвета. И этот цвет не имел ничего общего с симпатичным и жизнеутверждающим цветом летней розы; то был нездоровый, безжизненный цвет погибающей бегонии, которой досталось слишком много солнечного света и слишком мало воды.

Эта комната была… Короче, эта комната в тошнотворных розовых тонах оказалась совсем не такой, какой, по мнению Лили, должны быть комнаты в доме, выбранном герцогом для постоянного проживания.

Но все мысли о неудачной цветовой гамме вылетели у нее из головы, когда она увидела его. Он был в комнате один; ребенка при нем не было.

Лили была потрясена до глубины души. Она представляла себе герцога иначе – совсем иначе.

Он стоял перед секретером, само собой, розовым, и весь он был таким… ужасно внушительным, что Лили диву давалась, как он не переломал всю эту игрушечную розовую мебель.

Он был высоким и очень, очень импозантным. Чрезвычайно мужественным. И сильным. Мужская сила била буквально через край, и при мысли об этом Лили почувствовала, что щеки ее розовеют в тон обстановке.

Право же, Лили видела немало картин с изображением богов, воинов, королей и прочих героев, ведущих за собой племена и народы, но, глядя на всех этих достойных мужчин, она ни разу не испытала желания сорваться с места и пойти за ними туда, куда они позовут. Хоть в бой, хоть на смерть. Хоть в светлое будущее.

Однако за этим герцогом она, возможно, и пошла бы туда, куда он поведет, даже если по дороге случится такое, о чем порядочной девушке думать не пристало. Особенно если эта девушка – добропорядочная гувернантка, которой крайне необходимо произвести хорошее впечатление.

У него были прямые темные волосы длиной чуть ниже края воротника. Если его прическа и выглядела немного небрежно, то это ничуть не портило общего впечатления. Скорее наоборот – добавляло ему привлекательности. Прямые черные полоски бровей над темно-карими глазами придавали взгляду особую пристальность. Казалось, эти глаза видели ее насквозь, заглядывали в душу.

И если он действительно читал ее мысли, то это могло создать проблемы.

Его довольно резким чертам лица придавала особую выразительность синеватая щетина на щеках, делавшая его похожим на ночного разбойника – красивого и в то же время наводящего ужас.

Коварный герцог – похоже на заглавие готического романа. И внешность его вполне соответствовала образу коварного искусителя, толкающего женщин на весьма опасные поступки.

Герцог вопросительно приподнял бровь, и Лили, к своему ужасу, поняла, что все это время беззастенчиво его разглядывала. Но, возможно, он так привык к тому, что женщины не могут отвести от него глаз, что не увидел в ее поведении ничего предосудительного? Хотя, наверное, беззастенчиво разглядывать хозяина дома при первой встрече решится не всякая женщина, особенно если она метит в гувернантки. Или его вопросительно поднятая бровь имеет совсем иное объяснение: у герцога имелась особая комната для того, чтобы его разглядывать, а эта предназначалась для иных целей.

– Гувернантка, – сказал он с ноткой сомнения в голосе.

По правде говоря, его сомнения были оправданы, поскольку, хотя Лили и имела опыт общения с детьми, он ограничивался общением с собственной сестрой, то есть с детьми до пяти лет включительно. Воспитанием детей старше пяти лет она никогда не занималась. Вспомнив о сестре, Лили испытала ставшую привычной боль утраты. То была первая из утрат, за которой последовали и другие, в конечном итоге приведшие ее сюда, в этот дом. «Риск вполне оправдан», – шепнул голос в ее голове.

– Ваши рекомендательные письма, – произнес герцог и протянул руку.

– Рекомендательные письма? – повторила Лили, чувствуя, как заливаются краской щеки. Возможно, эта комната специально отводилась для того, чтобы в ней краснеть, и тогда она делала как раз то, что требуется. Герцог обладал уникальной способностью разговаривать бровями. Одна из его черных бровей оставалась приподнятой, словно она – его поднятая бровь – заметила, что Лили покраснела, но сам герцог ничего необычного не замечал.

Они продолжали молча смотреть друг на друга. Ситуация напоминала детскую игру в гляделки, когда ни один из игроков не желает проигрывать.

И вот уже вторая его бровь поползла вверх, поближе к своей товарке.

– Смею предположить, что заслуживающая доверия гувернантка, присланная заслуживающим доверия агентством – я видел объявление в газете, и мой дворецкий осведомлен о репутации агентства, – идет на собеседование, вооружившись рекомендательными письмами?

Лили молча смотрела на герцога. Щеки ее полыхали багрянцем.

Герцог вскинул голову и скрестил руки на груди.

– Вы хотите сказать, что мой дворецкий плохо информирован? Или вы намекаете, что я принял неверное решение? – с едва уловимой иронией осведомился хозяин дома.

Лили продолжала молчать. Не потому что она пришла на собеседование неподготовленной. Она готовила к собеседованию всех тех шесть женщин в трудных жизненных обстоятельствах, которые благодаря ей получили путевку в новую, надо думать, более счастливую, жизнь. Лили могла бы без запинки сказать все, что полагается говорить в таком случае, даже если бы ей приказали это сделать, разбудив среди ночи. Но сейчас что-то мешало ей говорить. Может, дело было в его бровях, а может, и не в них.

И чем дольше она молчала, тем меньше (даже в собственных глазах) соответствовала образу добропорядочной гувернантки с безупречной репутацией.

Губы его, чьей упругой полнотой она только что восхищалась, вытянулись в струнку.

– Мне нужна гувернантка. Не мне лично, прошу заметить, – добавил он, и левый угол его губ пополз вверх, будто этот герцог, в отличие от большинства ему подобных, обладал чувством юмора, – а для моей… моей воспитанницы. Юной леди четырех лет от роду. – Точеные брови сдвинулись, насупились. – Или около того. Я точно не знаю.

Ради агентства она не имела права на ошибку. И на молчание тоже. Не имело также никакого смысла открывать и закрывать рот, словно выброшенная на берег рыба.

– Да, конечно, ваша светлость. – Лили сделала неглубокий реверанс, в точности в соответствии с теми наставлениями, что давала другим соискательницам. Все для того, чтобы польстить клиенту, потешить его тщеславие, заставив забыть о том, что он просил… – Рекомендации. С сожалением вынуждена сообщить вам, что у меня при себе их нет. Я поторопилась явиться сюда, как только получила

сообщение о вакансии, не теряя времени. Приняв во внимание ваши слова «срочно требуется гувернантка», я не стала тратить лишний час или два на то, чтобы заехать за рекомендательными письмами. – Вместо того чтобы собраться с мыслями и запастись всем, что может понадобиться, она скакала вокруг стола и визжала от радости. – Я непременно исправлю свою ошибку завтра или когда вам будет угодно позволить мне это сделать. Я хочу, чтобы вы знали, что воспитание девочек старшего дошкольного и младшего школьного возраста – моя специализация, и если бы я могла познакомиться с юной леди, о которой мне предстоит заботиться, вы имели бы возможность лично убедиться в моих умениях.

Брови его опустились. Похоже, герцог обдумывал ее слова.

– Вы готовы доказать свое мастерство, приняв участие в конкурсе гувернанток?

Лили ответила, не дав себе труда предварительно обдумать ответ.

– Обучение девочек – не та область, в которой соревнование имеет смысл. Они либо учатся чему-то, либо не учатся. Уверяю вас, я знаю, о чем говорю.

«Ах ты, безголовая курица! Неужели тебе незнакомо железное правило: герцог всегда прав?!» Особенно когда речь идет о том самом герцоге, в чьих руках находится ее будущее трудоустройство! Плюс будущее агентства, ради процветания которого и она, и ее партнерши отдали столько сил.

Хорошо еще, что она вовремя спохватилась. А то ведь могла еще наговорить глупостей.

Но герцог не выставил ее вон. По крайней мере, пока не выставил. Затаив дыхание, Лили наблюдала за тем, как в подобии улыбки пополз вверх правый уголок его губ и одновременно с ним правая бровь. Право же, брови его были на удивление подвижными. Глядя на него, можно было подумать, что она его развеселила.

Лили выдохнула, когда он кивнул и сказал:

– Вы меня устраиваете.

Услышав эти слова, Лили с восхищением подумала о тех женщинах, что приходили в агентство, чтобы найти работу. Они-то знали, на что идут, и их мужество, безусловно, достойно всяческих похвал.

Больше не сказав ни слова, герцог достал из дальнего угла розового секретера крохотный розовый колокольчик и, хмуро оглядев сей странный предмет – кто же станет его за это винить? – тряхнул им. Вполне ожидаемо звук у этого колокольчика был высоким и слабым. Лили непроизвольно задержала дыхание, чтобы вообще не издавать никаких звуков, поскольку, чтобы расслышать этот звон, надо обладать поистине феноменальным слухом. Как ни странно, через пару мгновений дворецкий открыл дверь.

– Приведите сюда мисс Роуз прямо сейчас. – Ни «пожалуйста», ни иных намеков на вежливость. Но для Лили эта фраза звучала слаще ангельской музыки. Слаще, чем пирожные с кремом в шоколадной глазури. Мысль о пирожных была лишней. Лили вспомнила, что не ела с раннего утра. Что, если у нее заурчит в животе? И может ли урчание в животе являться основанием для того, чтобы не брать человека на работу?

Лили надеялась, что ей не придется получить ответ на этот вопрос в ближайшее время.

Герцог, разумеется, не предложил ей сесть; она пришла просить места гувернантки, а не чаи распивать. После того как герцог распорядился привести к нему девочку, он не удостоил Лили ни единым взглядом. А вот Лили то и дело украдкой бросала взгляды на своего потенциального нанимателя. Как же, право, несправедливо устроена жизнь, где одним – все, а другим – ничего. Взять, к примеру, хозяина этого дома. Мало того, что он герцог и богат как Крез, так он еще и красавец, каких поискать.

Как раз сейчас этот возмутительно везучий герцог изучал какие-то документы, лежащие на куда более подходящем какой-нибудь жеманнице розовом секретере, и пальцы его правой руки – длинные, узкие, но ни в коем случае не женственные – перебирали бумажные листы. Левой рукой он приглаживал волосы, но в результате прическа его принимала все более растрепанный вид – и эта растрепанность страшно ему шла.

Нос его – разве раньше она замечала, какая у кого форма носа? – был прямым, острым и, пожалуй, слишком длинным, но при этом опасно привлекательным, как и все в нем.

Выдающийся нос. Лили целиком погрузилась в его изучение.

От ее внимания не мог ускользнуть тот факт, что на носу его не было бородавок и прочих довесков. Бородавки сами по себе могли бы стать предметом исследования, но в этом случае, хоть материалов для изучения у Лили и прибавилось бы, процесс был бы намного менее приятным.

Наконец Лили услышала, как открылась дверь у нее за спиной, и, обернувшись, она увидела маленькую худенькую девочку в поношенном платье. Девочка прижимала к груди остатки какого-то печеного изделия, с которого на пол сыпались крошки.

А что до выражения ее лица, так девочка выглядела такой же встревоженной и напуганной, какой если не выглядела, то чувствовала себя Лили, и потому Лили сразу же прониклась к девочке особым чувством, которое можно охарактеризовать словами «ты и я одной крови». Наверное, эта девочка даже не может сосчитать все комнаты в доме герцога. Возможно, их первый урок следует посвятить именно этой теме, если, конечно, Лили получит работу.

– Мисс Роуз, эта леди хотела бы стать вашей гувернанткой, и сейчас решается вопрос о том, получит ли она это место. – Тон герцога, когда он обратился к девочке, изменился. Голос его был спокойным, даже ласковым. Можно подумать, он понимал, каким его видит эта крохотная, похожая на Дюймовочку, девочка. Он для нее человек из совсем иного мира, чужого и страшного. И сейчас этот суровый незнакомец вершит ее судьбу. Страшно было не только маленькой девочке, жующей печенье, страшно было и Лили, которая давно уже вышла из детского возраста и в людоедов и злых волшебников не верила. Лили приказала себе не завидовать мисс Роуз на том основании, что ей досталось печенье, а Лили – нет. Хотя она бы не отказалась и от куска хлеба. Впрочем, не хлебом единым, как говорится. Лучше подумать о высоком. И, подумав о высоком, Лили была приятно удивлена тем, что этот надменный высокородный господин, привыкший получать от жизни все, ничего и никому не давая взамен, все же оказался не чужд участия и такта. На своем веку Лили ни разу не встретила ни одного участливого (или тактичного) джентльмена. В том месте, где ей – вот уж не скажешь – «посчастливилось работать», таких точно сроду не бывало.

И об этом ее последнем месте работы участливый герцог Резерфорд ни в коем случае узнать не должен. Иначе о месте гувернантки придется забыть, это точно.

– И эту леди зовут… – все так же мягко продолжил герцог. – Как вас зовут? – с легким раздражением в голосе бросил он в сторону Лили.

Лили сглотнула слюну.

– Лили Рассел, ваша светлость, но вы можете называть меня мисс Лили.

– Мисс Роуз, позвольте вам представить мисс Лили. – Герцог негромко рассмеялся, чем удивил Лили даже больше, чем способностью войти в положение другого человека. – Возможно, меня следовало бы называть герцогом Садоводом, а не герцогом Резерфордом. – Его умение шутить стало для Лили еще большей неожиданностью, чем умение смеяться, и она чуть было не углубилась в размышления о том, насколько более опасным делает Коварного герцога (или герцога Сердцееда – она еще не решила, какое прозвище подходит ему больше) обладание чувством юмора. К счастью, она вовремя спохватилась, вспомнив, зачем здесь находится.

– Привет, мисс Роуз. – Лили говорила тихо и ласково, как и герцог. Она прекрасно понимала, как важно еще сильнее не напугать и без того напуганного ребенка. И ей не пришлось притворяться участливой, она искренне сопереживала и сочувствовала девочке, поскольку была напугана сама. И ей было чего бояться: опасность грозила ей и с фронта, и с тыла. Она боялась не получить эту работу и подвести агентство, и она боялась, получив работу, потерять голову и остаться с разбитым сердцем. А Лили хорошо знала, к чему зачастую приходят женщины с разбитым сердцем, и ей совсем не хотелось разделить судьбу этих несчастных.

Лили боялась и того, что не сможет помочь этой девочке распрощаться со страхами и найти для себя в этой жизни достойное место, как в свое время никто не смог помочь в этом ей.

– Приятно познакомиться. – Лили опустилась на колени и протянула девочке руку. – Мне бы хотелось остаться здесь и учить тебя. А ты бы этого хотела?

Роуз посмотрела на руку Лили, немного погодя кивнула и, пройдя навстречу Лили несколько робких шагов, протянула ей руку в ответ.

– Да, хочу, – прошептала малышка.

Лили услышала, как выдохнул у нее за спиной герцог.

– Она только что приехала, – сказал он, – и до сих пор не произнесла ни слова. – Сейчас он был совсем не похож на того грозного вельможу, что требовал от нее рекомендательных писем. Сейчас он казался почти… встревоженным. – Ни одного слова за все время чаепития. Я боялся, что она немая.

Интересно. Выходит, он только что познакомился со своей воспитанницей? Это, конечно, не ее дело, напомнила себе Лили, вернее та ее половина, которая отличалась рассудительностью и уравновешенностью. И все же интересная ситуация. Лили улыбнулась Роуз, и Роуз, пусть неуверенно и робко, улыбнулась в ответ.

– Я думаю, у нас с мисс Роуз найдется немало интересных тем для разговора. – Девушка посмотрела на герцога. – Могу ли я считать себя принятой на работу, ваша светлость?

Он окинул ее быстрым взглядом, и этот взгляд, казалось, вытащил на свет божий ту самозванку, что лишь притворялась опытной гувернанткой, но ею никогда не была, а была, и то в прошлом, юной леди с младшей сестрой на попечении. Живот у Лили подвело от голода и тревоги.

– Да, можете, – сказал он наконец. Роуз и Лили одновременно выдохнули с облегчением и тут же одновременно вздрогнули от его властного окрика, адресованного, слава богу, не девочке и не ее гувернантке. – Томпсон, отведите мисс Роуз и мисс Лили в одну из гостевых спален, не важно какую. Там будет классная комната.

У девочки заметно дрожали пальцы, и Лили хотелось сказать ей, что в этом нет ничего странного – дрожать, находясь в ядовито-розовой комнате в обществе Коварного герцога Сердцееда вполне естественно. Но только она подумала, что девочке не стоит знать о том, что внутри у ее новой гувернантки вместо крепкого стержня хлипкая субстанция и что ее новая гувернантка не прочь

поскулить и повизжать, а также поразмышлять о носах, и увядших бегониях, и о громадном количестве комнат неизвестного назначения. Пусть уж лучше девочка думает, что рядом с ней пусть чопорная и скучная, зато сильная духом училка, которая всегда знает, какой ответ правильный, а какой нет.

Возможно, в будущем Лили скажет Роуз то, что хочется сказать сейчас. Во время урока под названием «Глупости, которые лезут в голову твоей гувернантке, когда та паникует».

Если герцогу и случается совершать поступки, которые выходят за рамки принятых в высшем обществе приличий, герцог обязан вести себя так, словно верхом неприличия было бы не поступать так, как поступил он. В таком случае высшее общество сочтет поведение герцога безукоризненно приличным и единственно правильным.

«Энциклопедия этикета для герцога»

Глава 3

Дверь захлопнулась за ними, за ними всеми, и он остался один на один с вопросом: что же он, прости господи, только что сделал? Хотя Маркус знал ответ на этот вопрос, ведь так? Он приютил, по крайней мере на время, у себя в доме свою незаконнорожденную дочь, мать которой на днях скоропостижно скончалась. И он не просто предоставил своей дочери кров и стол, но даже нанял для нее гувернантку.

Немногие из аристократов его ранга, оказавшись в такой же ситуации, поступили бы так же. Даже для английских джентльменов с высокими моральными принципами такой поступок является далеко не типичным, что уж говорить о моральных разложенцах вроде него, Маркуса, прожигающих жизнь в пьяных кутежах.

Впрочем, джентльмен с высокими моральными принципами едва ли оказался бы в схожей ситуации. Во-первых, если у кого-то из истинных джентльменов и

имеется дочь, то она, как правило, законная и, как следствие, к ней прилагается мать, приходящаяся джентльмену законной женой, которая и занимается наймом гувернантки. А что касается тех отщепенцев, для которых законы морали не писаны, то у них, конечно, могут быть незаконные дети. Но с точки зрения буквы закона незаконный отпрыск не требует признания, а тем более гувернантки.

Кстати, о гувернантке. Хорошо все-таки, что он не обременен женой. Что-то есть в этой гувернантке такое, за душу берущее, – ощущения были почти такими же необычными и острыми, как тогда, когда он впервые увидел Роуз.

Или, возможно, он просто устал.

Двадцать четыре часа назад он был озабочен единственной проблемой – и самой на тот момент главной: кого из двух его закадычных приятелей, Коллинза или Смитфилда, назначить своим лучшим другом. Эта дилемма до сих пор не была решена, но он склонялся в пользу Смитфилда, поскольку Коллинз съел последний кусок ростбифа – что неприлично, и имел дерзость задать вопрос герцогу – что непозволительно.

Смитфилду в упрек он мог поставить только храп.

Но сейчас у Маркуса появился ребенок. Ребенок, за которого он отвечает. В то время как он не вполне уверен в том, что этот ребенок от него. Как бы там ни было, он не позволит такого рода сомнениям увести его с верного курса. На этот раз он поступит как истинный джентльмен. Раз в жизни, но он поступит по совести. До сих пор обладание титулом не вызывало в нем никаких положительных эмоций. Ничего, кроме презрения к титулу и к себе. И, само собой, он никак не использовал возможности, что предоставлял ему герцогский титул. Но, будучи герцогом, он может изменить жизнь этой девочки к лучшему, ведь так? Тем не менее Маркус слишком хорошо понимал, что одному ему не справиться.

И потому он нашел для нее гувернантку. Гувернантку, которая не боялась ему возражать, чего никто не осмеливался делать с тех самых пор, как он стал герцогом, а может, и с более ранней поры. Он точно не помнил.

Гувернантку, которая застыла, словно каменное изваяние, когда он спросил ее о рекомендательных письмах; чьи щеки пылали, когда он говорил с ней. Гувернантку, одетую в платье, для описания которого у него не было ни одного хорошего слова. Лучшее, что можно о нем сказать, это то, что оно сшито из ткани.

Гувернантку, которая его зацепила.

Гувернантку, которая заставила его закрыть глаза на отсутствие у нее рекомендаций, на ее досадную привычку краснеть, на поношенное платье. Гувернантку, которая вопреки всему вышеперечисленному пробудила в нем желание узнать, раскраснеются ли ее щеки, когда он ее поцелует; разрумянится ли она, если он отважится разведать, какие изгибы скрываются под ее одеждой. И еще ему бы очень хотелось услышать, что она будет говорить, если он добьется того, чтобы она все время говорила ему то, что думает.

Маркусу не составило никакого труда догадаться о том, что мисс Лили намеренно выставляет себя серой мышкой. Ее роскошные густые волосы цвета самого вкусного шоколада были стянуты в тугой узел, но несколько прядей выбились из плена, придавая ей соблазнительно растрепанный вид. Глаза у нее были зелено-карими, но они меняли цвет в зависимости от владевших ею эмоций. К примеру, когда щеки ее заливались особенно густым румянцем, глаза ее темнели. А вот в тот момент, когда она увидела свою новую воспитанницу, глаза ее – и он мог в этом поклясться – сделались почти золотистыми. Что касается ее форм, то талия у нее узкая, точеная, а грудь…

Но, возможно, она не догадывается о том, что ему под силу разглядеть красоту там, где она есть, как ее ни прячь? Как не знает она и о том, что он выведет ее на чистую воду, даже если на это придется бросить все имеющиеся ресурсы. Им уже владел азарт, знакомый разве что археологу, который знает, что вот-вот извлечет из-под земли сокровище, которое поразит мир. Маркус легко распознал ее притворство. Она вела свою игру, он – свою. В ней была недосказанность, а недосказанность, как известно, порождает интерес. И что-то подсказывало ему, что она умеет держать интригу.

«Довольно глупостей», слава богу мысленно отчитал себя герцог Резерфорд. Что за блажь: петь, пусть мысленно, дифирамбы прислуге! И не чьей-то чужой прислуге, с которой не зазорно завести интрижку, а той, которой предстоит работать в его доме. Он, герцог Резерфорд, нанял гувернантку не для того,

чтобы она его развлекала, а для того, чтобы наставляла и воспитывала… его дочь.

Он ведь, кажется, решил сойти с пути порока и вступить на путь исправления. По крайней мере, об этом намерении свидетельствуют его недавние поступки. Он посчитал нужным окружить девочку заботой. Пока она живет у него в доме, у нее будет все, что положено иметь девочке ее возраста и его круга. Встает вопрос о том, надолго ли она вошла в его жизнь? На этот вопрос Маркус не был готов ответить. Но до тех пор, пока он не решит, что делать с ней дальше, она будет жить здесь. И пока она живет здесь, у нее будет гувернантка. Гувернантка, которая, кстати говоря, совсем не вела себя как женщина, имеющая цель его соблазнить. Необходимо оставить за скобками ее соблазнительно растрепанные волосы и соблазнительные формы. Больше того, манерой поведения она сильно напоминала его до оскомины правильных тетушек, безуспешно пытавшихся наставить его на путь истинный.

Возможно, примерив на себя роль примерного отца и даже, если получится, роль примерного работодателя, то есть такого, который никогда не заметил бы, что у нанятой им гувернантки глаза золотисто-зеленые, как бархатистый болотный мох, «кукушкин лен», на который не отказалась бы прилечь привередливая лесная фея, он наконец найдет в себе силы вплотную заняться обустройством своего жилища. До сих пор ему было все равно, как и чем обставлены комнаты в его доме, лишь бы этих комнат хватало, чтобы разместиться ему самому и его собутыльникам. И еще, чтобы в этих комнатах было тепло и мебель под ним и его приятелями не трещала и не разваливалась. А о том, чтобы привести дом в соответствие со своими вкусами, он даже не думал. Вернее, он гнал от себя подобные мысли, как гнал мысли о том, что однажды придется остепениться и обзавестись женой. Но, с другой стороны, если он обзаведется женой, то обустройством дома и прочими бытовыми вопросами будет заниматься она, а не он. А может, до этого и не дойдет.

Маркус упрямо продолжал верить в то, что и в новом статусе он сможет жить так, как жил раньше: плевать на мнение окружающих и ни за что, а тем более ни за кого не отвечать.

Но с появлением в его жизни Роуз неизбежность перемен стала неоспоримой.

Как ни печально, пришла пора провести ревизию своего образа жизни и внести необходимые коррективы.

По крайней мере, его нынешние излишества, те самые, что несовместимы со званием ответственного родителя, ограничивались выпивкой и азартными играми. Блудил же он куда меньше, чем прежде. Время от времени у него случались интрижки, но ничего серьезного. Маркус уже давно убедился, что романы с дамами из общества требуют слишком много усилий при непропорционально малом вознаграждении. Две минуты, слава богу, и все закончено. А дальше надо вести беседу. Оно того не стоит. Возможно, если это длится всего две минуты, он что-то делает не так, но что именно? Научный подход и методичность помогли бы поправить дело, но для проведения подобных изысканий у Маркуса не хватало мотивации, да и процесс не слишком его увлекал. И еще его несколько пугали возможные научные выводы. Что, если окажется, что он действительно что-то делает не так? Стоит ли загонять себя в столь неловкое положение? Когда он женится – если до этого все же дойдет, – жене его уже поздно будет жаловаться. К тому же хочется верить, жене не с кем будет его сравнивать.

Хотя, если основательно потренироваться, например, с гувернанткой, которую только что принял на работу…

Нет. Ни в коем случае. Его вполне устраивали выпивка и азартные игры.

Воодушевленный принятым решением, Маркус направился к передвижному столику с запасами бренди. Бокалов не было. Он смутно помнил, что заходил сюда накануне ночью за бокалами для себя и своих друзей. Пожав плечами, он поднес бутылку к губам. И как раз в этот момент дверь распахнулась и в комнату решительно вошла его только что нанятая гувернантка. Она воплощала собой оскорбленную добродетель и смотрела на него с праведным осуждением.

Значит, она пришла не затем, чтобы помочь ему преуспеть в амурных делах. А жаль.

– Ваша светлость, я пришла, чтобы… – сказала целомудренная гувернантка, сжав соединенные перед грудью ладони в молитвенном жесте. И тут осуждение в ее глазах сменилось досадой. – Да ради бога, пейте уже!

Поскольку она застала Маркуса врасплох, бутылка все еще была запрокинута дном вверх, но губы его сомкнулись и зажали отверстие в горлышке, из-за чего жидкость не могла попасть ему в горло.

При словах «пейте уже» он открыл рот, и приятно обжигающая жидкость – в отличие от неприятно едкого тона его только что нанятой гувернантки – потекла вниз по пищеводу, плюхнулась на дно желудка и растеклась уютным теплом.

С некоторым запозданием Маркусу пришло в голову, что привычка пить бренди прямо из горлышка не характеризует его как респектабельного джентльмена и тем более как ответственного родителя. Однако с учетом непродолжительности знакомства как с той, так и с другой ролью, он не так уж плохо справлялся с обеими. Питье из горлышка не в счет.

После того как Маркус поставил допитую бутылку на приставной столик, у него появилась возможность лучше рассмотреть ту, что застала его за распитием бренди из горлышка.

Строгая прическа, нахмуренный лоб, изношенный наряд неудачного цвета. Стоит ли удивляться, что у нее такой кислый вид? Интересно, насколько сильно ее преобразит смех? Или, на худой конец, улыбка? И насколько трудно было бы ее рассмешить или хотя бы заставить улыбнуться? Ответственный родитель – а Маркус уже видел себя таковым – не допустит, чтобы его ребенок рос в обстановке угрюмой мрачности. Ребенку нужен свет, свежий воздух и хорошее настроение. Значит, та, которая будет воспитывать его дочь, должна уметь смеяться. И он научит ее это делать. Не научит, так заставит. Она будет смеяться по его приказу – приказу герцога Резерфорда. Или не будет?

Что-то подсказывало Маркусу, что эта гувернантка, если и знакома с правилами субординации, не считает зазорным их нарушать.

– Мисс… – Проклятье, он забыл, как ее зовут.

– Лили, – подсказала она. Лили, ну конечно. Две юные девы, два цветка, а он при них садовником. Хотя Маркус видел в Лили скорее женщину, чем деву. Этот цветок – его садовая лилия – уже вполне созрел. Мисс Лили явно перешагнула порог совершеннолетия и обладала весьма аппетитными женственными формами, которые невозможно скрыть ни под одним нарядом, даже под тем, что был на ней.

– Лили, – повторил он. – Чего вы хотите? – Он не желал прибегать к самым крайним мерам: тон его был лишь в меру уничижительным. Если начистоту, он выбрал этот высокомерный тон по привычке, поскольку именно этот тон оказался наиболее результативным. Из всех многочисленных интонационных вариаций Маркус широко пользовался только самыми эффективными. То есть теми, что приводили к получению желаемого результата с наименьшими усилиями и в кратчайшие сроки. Так было еще до того, как ему достался герцогский титул. А герцогу иные вариации тона вообще не нужны.

Или не были нужны до этой минуты.

– Я здесь, ваша светлость, – процедила мисс Лили, – чтобы поговорить с вами о ребенке. О Роуз, – добавила она уже благодушно. Когда она произносила имя девочки, изменился не один лишь тон ее голоса, но и выражение ее лица и даже цвет глаз. Черты ее словно сделались мягче, а в глазах появился особый мягкий золотистый свет. Маркус так увлекся наблюдением за происходящими с ней переменами, что забыл, зачем она здесь. Мисс Лили удивительно, волшебно похорошела. Она превращалась в настоящую красавицу, когда забывала уродовать свое лицо лимоннокислой миной. И фигура у нее чудная – точеная, с крутыми, но не слишком изгибами. Ее формы будили воображение – так манят морехода неизведанные берега. Маркуса так и тянуло поскорее пуститься в опасное плавание, чтобы, добравшись до вожделенной неизведанной земли, как можно подробнее изучить ее береговую линию и ландшафт.

Но, увы, какими бы заманчивыми ни казались очертания дальних берегов, Маркус не пал настолько низко, чтобы добиваться благосклонности гувернантки своей дочери.

– Что с Роуз? Вы должны сообщить мне о проблеме, если она касается моей… дочери. – Маркус запнулся и почувствовал теснение в груди. Он познакомился со своей дочерью совсем недавно, но не понаслышке знал, что такое чувствовать себя нежеланным, ненужным, и не хотел, чтобы дочь повторила его опыт, даже если ее появление на свет стало для Маркуса не слишком приятным сюрпризом.

Мисс Лили покачала головой и чуть заметно улыбнулась.

– Я не вижу никаких проблем с мисс Роуз. Она славная девочка. Я лишь хотела услышать ваши пожелания относительно наших с Роуз занятий и узнать, каким

вам видится будущее Роуз. Тогда я могла бы предложить план занятий, который мы могли бы с вами обсудить. – Лили сделала паузу и с некоторой запинкой спросила: – Вы сказали, что она только что приехала, так?

Они оба продолжали стоять. Все признаки того, что разговор затянется дольше чем на две минуты, были налицо, а беседовать стоя Маркус не привык. Тем паче с прислугой.

Хотя причислить гувернантку к прислуге можно лишь с определенными оговорками. Наверняка двойственность статуса создает представительницам этой профессии немалые неудобства. Статус учителя и воспитателя не позволял быть запанибрата с горничными и лакеями, и при этом для членов семьи гувернантка отличалась от горничной разве что специализацией. И, разумеется, если панибратские отношения между хозяином дома и его камергером, а иногда, чего греха таить, и горничной хозяйки считались почти нормой, то быть на короткой ноге с гувернанткой запрещали приличия.

Пожалуй, если уж причислять гувернантку к прислуге, то статус ее сопоставим со статусом дворецкого, и это многое объясняет. В частности, сегодняшний особенно надутый вид Томпсона. Это просто защитная реакция, вызванная угрозой его статусу. Гувернантке следует знать, кто в доме хозяин. В фигуральном смысле. Маркус и не думал оспаривать право Томпсона считать себя истинным хозяином в доме, поскольку, в отличие от дворецкого, обеспечивающего бесперебойную и слаженную работу прислуги, новый герцог Резерфорд хозяйственными вопросами не интересовался вовсе.

Наверное, у Томпсона были причины обижаться на Маркуса за наплевательское отношение к плодам его труда. Но разве герцога должно волновать отношение к нему прислуги, даже если речь идет о самом дворецком?

Как бы там ни было, заняться обустройством дома по своему вкусу все же придется. Для детской психики пребывание в розовой гостиной может обернуться необратимым расстройством. И не только для детской.

– Прошу садиться, – сказал герцог, жестом указав на один из стульев. Сам он поднял тот стул, что лежал на боку, поставил его на ножки и сел на него верхом, положив локти на спинку. Он успел понять, что так сидеть было удобнее всего, поскольку стулья были неудобны в той же мере, в какой безобразны.

У гувернантки выбора не было, и потому ей ничего не оставалось, кроме как опуститься на тот стул, на который ей было указано, расправить юбки и, сложив ладони, опустить руки на колени. Наконец, проделав все вышеописанное, она соизволила поднять на него глаза.

Ее взгляд, прямой и цепкий, наводил на мысль о том, что она знает жизнь гораздо лучше, чем он. Что она знает о нем, Маркусе, что-то такое, чего он сам о себе не знает. От этого взгляда хотелось ежиться и ерзать, словно в колючем свитере на голое тело или на службе в церкви, когда священник говорит о расплате за грехи.

Маркус уже много лет не надевал колючих свитеров на голое тело и не ходил в церковь, но он все еще помнил, как это бывает.

Пауза затянулась. Герцог Резерфорд слишком поздно осознал, что говорить полагается ему. Даже если гувернантки и не принадлежали к «нижнему миру», в котором обитают судомойки и полотеры, к «верхнему миру» они тоже не принадлежали. Отсюда следовал однозначный вывод: она не откроет рот, пока герцог – существо из «верхнего мира» – лично не пригласит ее высказаться. В противном случае ей грозит свержение в ад. Или увольнение.

– Вы успели составить список всего того, что необходимо приобрести для мисс Роуз в первую очередь? – Резерфорд постарался придать своему голосу как можно больше уверенности, которой, что было для него крайне непривычно, он отнюдь не испытывал. Маркус не привык задавать вопросы, поскольку не видел в том нужды. Даже если, что случалось крайне редко, ему доводилось задавать вопрос, действие это имело чисто ритуальный характер, поскольку ответ был заранее ему известен. Так что данная ситуация была исключительной. Появление в его жизни ребенка, чей рост был меньше высоты витых ножек этого секретера, безвозвратно изменил его жизнь и его самого. Пока не ясно, в лучшую или в худшую сторону.

– Смею предположить, ваша светлость, что мисс Роуз – первый ребенок, которого вы поселили в этом доме. Это так? – спросила она, едва заметно нахмурившись, словно заподозрила у него вызывающую недоумение привычку подбирать бродячих детей. – Насколько мне известно, у девочки не было при себе никаких личных вещей. Это так? Если так, то вам предстоят значительные расходы. Вы хотите, чтобы я составила подробный список всего необходимого? – Она склонила голову набок и задумчиво прищурилась. – Помимо одежды, обуви и

белья, ей понадобятся тетради, карандаши, мел и…

– Хорошо, хорошо, – перебил ее Маркус. – Все, что скажете, будет куплено. Просто распорядитесь, чтобы счет был выписан на мое имя.

– Вам, наверное, будет интересно узнавать о том, как продвигается учеба мисс Роуз. – Поскольку мисс Лили не потрудилась придать фразе вопросительную интонацию, Маркус почувствовал себя задетым. И тут же занял защитно-наступательную позицию. По правде говоря, он не задумывался о том, что ему придется отслеживать успехи своей подопечной. Более того, он вообще не думал о дальнейшем развитии событий. Герцог Резерфорд не мог вышвырнуть на улицу собственного ребенка и потому оставил девочку у себя. Он захотел, чтобы мисс Роуз, его дочь, пожила здесь, пока он не решит ее дальнейшую судьбу и свою тоже.

Здесь, в его доме, девочке, безусловно, будет лучше, чем на улице. Но Маркус понимал различие между безбедным существованием и благоденствием. К примеру, родители обеспечивали его всем необходимым, но была ли его жизнь в семье благополучной – большой вопрос.

Гувернантка продолжала смотреть на него в упор, и с некоторым запозданием до Маркуса дошло, что она ждет от него ответа.

Занятно. Она ждет ответа на вопрос, который не задавала.

– Еженедельный отчет меня устроит.

– Я буду отчитываться перед вами, а не перед вашей женой? – Это был вопрос. Вопрос, на который он, слава богу, мог ответить.

– Я не женат.

Ему показалось или она действительно вздохнула с облегчением? Может, она подумала, что он мог бы… Нет, конечно, нет. Герцоги не женятся на гувернантках, и гувернантки не выходят замуж за герцогов. И уж точно этого не случится с этой конкретной гувернанткой и этим конкретным герцогом.

Однако он был бы не прочь притвориться, что они женаты. На две минуты. А там как пойдет.

Впрочем, в ее взгляде не было и намека на то, что она тоже не прочь поиграть в эту игру. В нем не было даже намека на отношение, к которому Маркус за недолгую бытность герцогом Резерфордом уже успел привыкнуть, – будто он был представителем особо редкой породы: существом уродливым и странным, но вызывающим восхищение своей необычностью. Он понимал, почему на него так смотрят: в природе не так уж много герцогов, а те немногие, что все еще не вымерли, по большей части седовласые, женатые и страдающие подагрой.

Она же просто… пристально смотрела ему в глаза. И в этом была освежающая новизна, что, безусловно, было приятно. С другой стороны, этот ее взгляд, как все непривычное, вызывал недоумение и приводил в замешательство. Словно она ждала от него разъяснений, как такому мужчине удалось остаться холостяком. Ему хотелось рассказать ей, какие чувства им овладели, когда он неожиданно увидел Роуз в своем доме. Как он увидел в ней себя. Как он узнал, что такое чувствовать себя нежеланным ребенком.

Но она работала на него, даже если он нанял ее только сегодня. Огромная разница в статусе и ничтожно малое время знакомства не позволяли делиться с ней сокровенными переживаниями. Между ними не может быть иных отношений, кроме служебных: она на него работает, а он ей платит. При условии, что качество ее работы его удовлетворяет.

– Раз уж вы не соизволили захватить с собой рекомендательные письма, мисс Лили, извольте рассказать мне о своей последней работе, – бесцеремонно распорядился Маркус, и его передернуло от собственной беспардонности. Он отдавал себе отчет в том, что перегибает палку, но страх не совладать с собой толкал его на странные поступки.

Выходит, ему не показалось, что, узнав о том, что он холост, мисс Лили испытала облегчение. Потому что сейчас она вся натянулась, как взведенная пружина.

Маркус никогда не отличался особой наблюдательностью, но не заметить перемен в выражении ее лица, и не только в выражении лица, но и в том, как она держалась, не мог даже он. Можно было подумать, что она сейчас подпрыгнет до потолка.

Но мисс Лили не подпрыгнула. Она даже позы не переменила, лишь вздохнула и подняла на него глаза.

– Я работала в семье викария в Литлстоуне. – Ее взгляд устремился вдаль и сделался задумчиво-мечтательным. – Литлстоун – небольшая деревня, но жена викария мечтала о том, чтобы ее дочери, приехав в столицу, чувствовали себя как дома. Мне думается, жена викария – дальняя родственница барона, и потому родители девочек надеялись, что их дочерей представят ко двору и они смогут принять участие в лондонском сезоне и, как следствие, удачно выйти замуж.

И что ему делать с полученной информацией? Маркус никогда прежде не занимался наймом прислуги; более того, даже не знал, кто это делает за него. Но выбор гувернантки для своей дочери он, разумеется, решил взять на себя.

– Хм. – Такого рода реплика показалась Маркусу наиболее уместной.

– Я могу зайти за рекомендательным письмом в свой выходной.

Будто они оба знали, когда именно этот выходной наступит.

Может, существовали какие-то неписаные правила относительно выходных для прислуги, и она рассчитывала на то, что он с этими правилами знаком? Как ему все же удалось дожить до зрелых лет, так и не узнав, когда слуги отдыхают от работы на законных основаниях?

– Да, конечно. – В общении с этой женщиной он чувствовал себя все менее компетентным. Возможно, он поступал правильно, когда не вмешивался в процесс найма прислуги.

– Когда бы вам было удобно предоставить мне выходной? – спросила она после непродолжительной паузы.

Ага! Так значит, неписаных правил на сей счет не существует! Маркус почувствовал себя значительно лучше.

– Во вторник, – ответил он таким непререкаемым тоном, словно другие дни недели для выходных совершенно не годились. Лишь бы только в какой-нибудь

неизвестной ему конвенции о правах домашней прислуги не говорилось, что вторник не может назначаться выходным днем.

– Спасибо.

Судя по всему, никакими запретами вторник не облагался. Маркусу хотелось признаться, что он ужасно горд тем, что не попал впросак, но признание своего невежества свело бы триумф на нет.

– И, прошу меня простить, ваша светлость, – сказала, покусывая губу, мисс Лили, – вы не напомните, что вы сказали насчет мисс Роуз?

– Что я сказал насчет нее? – Как ему помнилось, он почти ничего о ней не говорил. Разве что распорядился не вышвыривать ее на улицу. И еще велел Томпсону отвести ее в одну из комнат наверху. Неужели он все же попал впросак и гордиться ему решительно нечем?

– Насчет того, что она оказалась здесь. У вас. Так… Так неожиданно, – произнесла мисс Лили и многозначительно на него посмотрела.

Ах, вот оно что. Разговора о незаконнорожденном ребенке все же не избежать. Он надеялся, что она вот-вот уйдет, а она даже еще и не приступила к главной части.

– Она – моя дочь.

Мисс Лили закатила глаза и вздохнула. В точности как это делали его тетушки.

– Я это понимаю, ваша светлость, но что вы будете о ней говорить?

– Что она моя дочь. Что же еще? – Он не пытался усложнить для нее задачу, он просто не понимал, какое кому дело до того, что за ребенок живет у него в доме.

– Если позволите, я бы предложила вам говорить, что мисс Роуз – дочь одной из ваших кузин. Той самой, что умерла в Индии или еще где-нибудь в далеких краях. Тогда вашей… Тогда мисс Роуз не пришлось бы страдать.

– Вот как. – Сама мысль о необходимости такого рода «предосторожностей» бесила его, вызывала желание наорать на гувернантку, но ведь в том, что миром правит узколобое ханжество, нет ее вины. – Я понимаю.

– Хорошо. – Она задумчиво сдвинула брови. – Не то чтобы кому-то следует судить о том, что их никак не касается, но ведь людям рот не заткнешь. – Наблюдая за ее мимикой, Маркус невольно задался вопросом о том, что люди говорили о ней. Судя по напряженному выражению ее лица, ничего хорошего.

– Спасибо. – По крайней мере, она не отказалась от предложенной работы. И о намерении оставить работу тоже пока не сообщала. И у него создалось впечатление, что она сочувствует Роуз, чье положение в обществе завидным не назовешь. – Ну, тогда, – сказал Маркус, потирая руки – этот жест он подсмотрел у отца, который так давал понять собеседнику, что разговор окончен. Все лучше, чем сказать напрямую: выйди вон. Не то чтобы его отец, а после смерти отца – и брат Джозеф, испытывал неловкость, когда велел ему убираться открытым текстом, ему просто нравилось разнообразие. И ему, надо сказать, удавалось находить все новые формы выражения одной и той же предельно простой мысли: ты здесь лишний. Пошел вон.

– Вы позволите мне вернуться к мисс Роуз, ваша светлость? – спросила гувернантка, поднявшись со стула.

Вот один из способов заявить о своем желании избавиться от общества другого лица. Надо будет запомнить эту формулировку на случай, если ему вдруг еще раз захочется быть вежливым. Маркус кивнул. Им владело ощущение, что он перехватил у нее инициативу, словно главной целью общения с ней было именно это: оставить последнее слово за собой.

Она тоже кивнула и сделала неглубокий реверанс, после чего убрала свою кислую мину и себя заодно долой с его глаз.

Осмысливая итоги дня, Маркус уставился на потолок, расписанный пухлыми розовыми херувимами. Итак, слугам не возбраняется брать выходной во вторник; его новая гувернантка – женщина определенно привлекательная; вопрос, кого назначить лучшим другом, решен успешно.

Не говоря уже о том, что у него появился ребенок. Ребенок, которому он, по всей видимости, приходится отцом.

Выбирая из числа знакомых того, кто мог бы стать ему другом, герцог всегда должен спросить себя, существует ли вероятность того, что этот знакомый может каким-то образом угрожать общественному и иному статусу герцога (при этом герцог всегда должен думать о себе в третьем лице). Если ответ будет положительным, герцогу придется решать, стоит ли упомянутый знакомый риска. В большинстве случаев ответом будет: нет, не стоит.

«Энциклопедия этикета для герцога»

Глава 4

Герцог, насколько могла судить Лили, которая в этот момент поднималась по почти столь же импозантной, как и само фойе, лестнице, сам не понимал, что делает. Возможно, он жил, руководствуясь «Энциклопедией этикета для герцога», но родитель из него был никчемный. Что неудивительно, если принять во внимание тот факт, что он стал родителем всего несколько часов назад.

Поскольку она сама впервые стала гувернанткой около часа назад, у них с герцогом Резерфордом, похоже, было немало общего. Оценивать это общее можно по-разному, и далеко не всегда положительно, но с наличием этого общего спорить трудно.

Лили не собиралась делиться этой информацией со своим работодателем ни в ближайшем будущем, ни, если он по-прежнему останется ее работодателем, в будущем отдаленном.

Какая удача, что в поместье, принадлежащем ее отцу, жил викарий! И, к счастью, природа наделила ее хорошей памятью. Благодаря этим двум счастливым обстоятельствам она могла рассказывать о семье своего «предыдущего нанимателя», не прибегая ко лжи. Если бы только она могла раскрыть перед ним карты, чтобы он смог по достоинству оценить ее ум и

сообразительность! Но, увы, такое поведение было бы контрпродуктивным. Пожалуй, еще более контрпродуктивным, чем приход на собеседование без рекомендательных писем.

Лили поймала себя на том, что улыбается, и тут же осознала, что продолжает идти по коридору. Как такое возможно? Столько мыслей, а она даже до места не добралась!

Может, герцогу стоило вместо гувернантки нанять штурмана? В такое далекое путешествие нельзя пускаться без запасов провизии. Право, надо срочно что-нибудь съесть, потому что от голода она делается несколько… раздражительной. Еще полчаса без еды, и она начнет рычать и бросаться на людей.

Рычащая гувернантка и герцог Сердцеед – славная парочка!

Лили с трудом сдерживала смех. Наконец она добралась до спальни Роуз. Но стоило ей распахнуть дверь, как смеяться ей расхотелось. Роуз лежала на полу и горько плакала.

– Ваша светлость, один из господ, что были с вами утром, вернулся с визитом. Велите сказать, что вы дома? – с брезгливой миной доложил Томпсон и для пущего эффекта презрительно хмыкнул в конце.

Маркус не без оснований подозревал, что дворецкий не одобряет выбранную новым герцогом линию поведения. Томпсон придерживался распространенного мнения, что высокий титул требует соответствующего к себе отношения от того, кто его носит. Маркус и сам понимал, что ведет себя не совсем так, вернее, совсем не так, как, по мнению большинства, следует себя вести герцогу. Однако неодобрение (или одобрение) прислуги никак не должно волновать титулованного хозяина. И потому Маркусу было все равно, что думает о нем Томпсон. Или почти все равно.

– Зовите его ко мне, – небрежно взмахнув рукой, распорядился Маркус. Любопытно, который из двух его собутыльников решил его навестить?

Ответа долго ждать не пришлось.

– Похоже, ваш дворецкий меня недолюбливает, – с ухмылкой сообщил Смитфилд. – А я думал, мы с ним поладили. Я дал ему монету, когда он принес новую непочатую бутылку бренди. – Смитфилду был свойствен легкий сарказм, и в этом они с Маркусом были похожи. Даже интонации порой совпадали.

Следует признать, что, остановив свой выбор на Смитфилде, Маркус поступил правильно. Один верный поступок – это уже что-то. Хотя…

– Сегодня у меня нет времени на выпивку. И потом, разве вы не устали? Лично я устал, хотя и поспал пару часов. Как раз когда я собирался прилечь, прибыла девочка.

Смитфилд проигнорировал далеко не тонкий намек Маркуса и уселся на стул, который совсем недавно освободила гувернантка. Только, в отличие от нее, он не присел на краешек, а вальяжно развалился, широко расставив ноги, и, откинувшись на спинку, принялся качаться на двух хлипких ножках.

«Хм. Надо бы попробовать эту позицию. Вполне возможно, она окажется удобнее, чем та, которую я облюбовал».

– Она все еще здесь? – В голосе Смитфилда слышалось неподдельное удивление.

– Да. – Маркус ненадолго задумался, вспоминая, что советовала ему гувернантка. – Девочка только что приехала в столицу. Она дочь моей дальней родственницы, которая умерла в Индии. – Они со Смитфилдом оба знали, что это ложь, но Маркусу надо было начинать практиковаться. – Я оставил свою дальнюю родственницу у себя. Что еще я мог сделать?

Смитфилд вместо ответа многозначительно промолчал, пристально глядя на Маркуса. И этот взгляд сказал все, что было на уме у обоих: аристократы, как правило, не селят у себя бастардов. Больше того, они их почти никогда не признают своими отпрысками и без всяких угрызений совести вышвыривают на улицу. Как бы там ни было, Маркус поступил на редкость ответственно и гуманно, притом что ответственность и гуманность были ему совсем не свойственны. Он никогда ни о ком не заботился, разве что изредка о самом себе, потому что по большей части о нем заботились другие. И то, что его беззаботная

жизнь протекала бок о бок с беззаботной жизнью его слуг, было чистой воды совпадением. Хотя, возможно, жизнь прислуги лишь казалась ему беззаботной.

– Не думаю, что вы собирались в ближайшее время стать… дядей, – сухо заметил Смитфилд.

Смитфилд дал Маркусу понять, что знает правду. И еще Смитфилд дал Маркусу понять, что не стал бы осуждать Маркуса, если бы тот выставил девочку за дверь и тут же о ней забыл.

Но отсутствие осуждения со стороны лучшего друга не означало, что Маркус не осудил бы себя сам.

– Мне показалось невежливым выставлять ее за дверь, – пожав плечами, сказал Маркус. – Тем более что у нее недавно умерла мать и все такое. – Маркус был сам себе противен. Бессердечный, черствый эгоист.

Забавно, ведь он так и не смог вспомнить лицо Фионы, хотя регулярно пользовался ее услугами, по меньшей мере два месяца. Лицо вспомнить не смог, зато легко вспомнил, что ртом она умела творить чудеса. И еще он помнил, что, когда они обсуждали ситуацию с ее беременностью, она не стала усложнять ему жизнь слезами, истериками или необоснованными требованиями. Она смиренно приняла ту сумму, что выделил для нее финансовый поверенный Маркуса, и даже не подумала попросить больше денег. Маркус, если честно, даже не знал, какая это была сумма.

Однако своей дочери Маркус никогда бы не стал об этом рассказывать. А других воспоминаний о Фионе у него просто не было.

– Что вы намерены с ней делать? – Если любопытство и пробивалось в голосе Смитфилда, то в очень умеренных дозах. Словно Роуз была устаревшим предметом мебели, место которому на чердаке, или вышедшей из моды жилеткой.

По всей видимости, правило, запрещающее задавать герцогу вопросы, соблюдалось отнюдь не так неукоснительно, как представлялось Маркусу. Надо бы поговорить с тем лицом или группой лиц, что составляют правила этикета для высокотитулованных особ.

– Я нанял гувернантку. – Красивую женщину. Не говоря уже о том, что эта женщина всем своим поведением бросала ему вызов. Но при этом отлично справлялась с воспитанием маленьких девочек, судя по тому, как восприняла ее Роуз. Эта женщина отлично знала свое дело, если, увидев ее, Роуз пусть и не перестала бояться совсем, то явно почувствовала себя более комфортно. Правда ли, что, взяв на работу гувернантку, он совершил первый альтруистический поступок в своей жизни или это его субъективное ощущение?

Плюс ко всему, в ее присутствии он чувствовал легкое покалывание во всем теле; приятное щекотание нервов от сознания того, что говоришь с человеком, который не испытывает перед тобой ни страха, ни благоговения. Которому ты, возможно, даже не нравишься.

Чего бы ему стоило заставить ее проникнуться к нему симпатией? И сколько бы для этого понадобилось времени?

Пожалуй, двумя минутами тут бы не обошлось.

Так что, возможно, он не был стопроцентным эгоистом.

– Так вы планируете держать ее здесь, в доме? – не скрывая изумления, уточнил Смитфилд.

Что мешало ему сразу сказать лучшему другу, что он ничего не знает и не хочет знать о той девочке, что по нелепой ошибке оказалась у него в доме? Или позволить Томпсону вывести ее за дверь? Но, вспоминая тот детский взгляд, Маркус вынужден был самому себе признаться в том, что не смог бы так поступить с Роуз. Может, спустя какое-то время, когда она оправится от постигшего ее горя – смерти матери, ему хватит духу перепоручить ее судьбу кому-нибудь другому. Скажем, тому, кто занимался его финансами или наймом прислуги.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – спросил Смитфилд, на этот раз с вполне искренней озабоченностью. Смитфилд теперь сидел как положено, и стул всеми своими четырьмя ножками стоял на полу. – Обе моих сестры замужем, они обе живут в городе, и у обеих есть дети. Если вам понадобится совет или что-нибудь еще, я могу попросить их дать вам то, в чем вы нуждаетесь.

Похоже, он действительно не ошибся с выбором лучшего друга.

Хотя открывать перед Смитфилдом душу было бы ошибкой, принимая во внимание весьма непродолжительное время их знакомства. И все же Маркус был тронут.

– Благодарю, я буду иметь в виду ваше предложение. На сегодняшний момент я лишь хочу, чтобы она привыкла к новому месту. Насколько я понимаю, ее мать только что скончалась, и мисс Роуз пришлось расстаться со всем, что было ей привычно и знакомо. – Роуз оказалась в таком же положении, что и он, Маркус, в детские годы. С той лишь разницей, что его родители были живы. Но они уделяли ему так мало внимания, что он чувствовал себя почти сиротой.

– Да, я понимаю, – сказал Смитфилд и после паузы спросил: – Вы, случайно, не видели мою табакерку? Собственно, я и зашел к вам ради того, чтобы ее забрать, а не для того, чтобы задавать вопросы, относящиеся к вашей новоявленной дальней родственнице.

– Разумеется. Давайте заглянем в бальный зал.

Обстановка в бальном зале, увы, не располагала к сколько-нибудь длительному пребыванию. Вернее сказать, едва приоткрыв дверь в это просторное помещение, захотелось ее захлопнуть. У прислуги так и не дошли руки до уборки, что объяснимо с учетом прибытия мисс Роуз и связанными с этим хлопотами. Пол был все так же усеян пустыми бутылками из-под бренди, на столе все так же стояли тарелки с недоеденной едой. Белая скатерть была испещрена темными следами кошачьих лап.

– Не сомневаюсь в том, что табакерка отыщется, как только у горничной найдется время заняться уборкой. Кстати, – произнес Маркус, прежде чем дал себе труд подумать о том, что собирается сказать, – о ваших сестрах и их семьях. Раз уж вы их упомянули, не хотели бы вы с вашими сестрами и их мужьями прийти ко мне на ужин? Как насчет ближайшей среды? Я бы желал услышать мнение ваших сестер о воспитании детей и, в частности, о гувернантке, что я нанял для своей воспитанницы. Разумеется, с учетом моих теперешних обстоятельств, это будет камерный вечер, без каких бы то ни было излишеств.

– Буду рад принять ваше приглашение и передать его сестрам. Спасибо, – сказал Смитфилд и с виноватым видом добавил: – Заранее прошу прощения за своих сестер, если они в вашем присутствии будут вести себя как пришибленные. Видите ли, им до герцога при всем желании не доплюнуть, а уж о том, чтобы сидеть с ним за одним столом, они и мечтать не могли.

Хорошо бы, чтобы не дошло до плевков.

– Ну, так как насчет среды? Восемь вечера устроит? Надеюсь, ваша табакерка к этому времени уже отыщется.

– Договорились. Спасибо. – Поджарый Смитфилд пружинисто встал и протянул Маркусу руку. – Я восхищаюсь тем, что вы делаете для ребенка, – проговорил он, сопроводив свои слова крепким рукопожатием. – Не всякий мужчина с вашим титулом и общественным положением взял бы на себя подобную ответственность. – Искренность его слов как будто не вызывала сомнений.

Маркус в ответ промычал что-то неразборчивое. Он чувствовал себя неуютно. Когда в последний раз его хвалили за что-то более полезное, чем умение пить не закусывая и при этом еще и обыгрывать собутыльников в карты?

Никогда.

А хотел ли он на самом деле изменить это положение?

Герцог по определению не может иметь недостатков. Он сам и есть живое воплощение своего титула. Каков он есть, таковым и положено быть герцогу. Но если герцогу случится оказаться в ситуации, при которой у него создается впечатление, словно он чего-то не знает, герцог ни при каких обстоятельствах не должен обнаруживать свою некомпетентность. Облачаясь в мантию знания, он сам становится знанием. Он и есть знание.

«Энциклопедия этикета для герцога»

Глава 5

– Что случилось? – Лили опустилась на ковер рядом с Роуз и, обняв ее, почувствовала, как напряженно застыла девочка. Не стоит даже пытаться обнять ее крепче, она лишь еще сильнее напугает ребенка. Горячие детские слезы капали на потрепанное платьице, украшенное штопаным-перештопаным кружевом.

– Он ушел, – заголосила Роуз, растягивая гласные, и, решившись, всем телом прижалась к Лили, обхватив ее шею тонкими ручками.

– Кто? – спросила Лили, сделав осторожную попытку разжать пальцы девочки, поскольку бездыханная гувернантка едва ли может быть полезна своей воспитаннице. Или агентству. А уж самой себе и подавно.

– Мистер Сопелкин, – захлебываясь от рыданий на плече у Лили, сообщила девочка.

Лили медленно отстранилась и пристально посмотрела на Роуз, которая, в свою очередь, с неизбывной мукой в глазах смотрела на Лили.

– Кто, дорогая? Я, должно быть, не расслышала.

– Мистер Сопелкин, – повторила девочка с таким видом, словно Лили не могла не знать этого господина.

Мука в глазах Роуз сменилась выражением раздраженного недоумения.

– Котенок! Он был здесь, и я его гладила, а потом он исчез. Плохой котик! Заставь его вернуться.

Вот оно что. Речь идет всего лишь о коте. Слава богу!

– И как мистер Сопелкин выглядит?

– Он выглядит как кот, – сказала Роуз тоном, не оставляющим сомнений относительно того, что воспитанница думает об умственных способностях своей гувернантки. Хороша гувернантка, которая не знает, как выглядит кот! И, если начистоту, не знай Лили, как выглядит кот, ее с полным основанием можно было бы назвать самой некомпетентной гувернанткой на свете.

Лили вытащила платок и вытерла девочке лицо.

– Какого цвета у него шерсть?

– Он весь черный, с белыми пятнами. – Следовательно, он не весь черный. Впрочем, Лили не собиралась указывать своей заплаканной подопечной на очевидную логическую нестыковку. Сейчас для этого не самый подходящий момент. У них еще будет достаточно времени, чтобы самым подробным образом обсудить все, что касается особенностей семейства кошачьих.

– Может, стоит пойти к герцогу и спросить у него?

Роуз просветлела лицом.

– Да. Это, наверное, его кот. Он, наверное, хороший, если у него такой хороший кот.

Указывать мисс Роуз на то, что оценка личностных качества людей по имеющимся у них животным – не самый достоверный метод, Лили тоже не стала, посчитав момент не самым подходящим.

– Вместе пойдем?

Вместо ответа Роуз отодвинулась, скрестила руки на груди и решительно мотнула головой из стороны в сторону.

– Сами идите. Я хочу остаться здесь, на случай если мистер Сопелкин вернется.

Лили с трудом поднялась на ноги – колени болели.

– Ты уверена, что не побоишься остаться одна? – спросила девушка. У нее накопилось к Роуз немало вопросов. К примеру, ей хотелось узнать, кто ее привез, знает ли девочка что-нибудь о своей матери, где Роуз жила до того, как герцог поселил ее у себя, почему она только сегодня впервые встретилась со своим отцом, но Лили хорошо понимала, что, сосредоточившись на таком явлении, как неожиданно возникающий и столь же неожиданно пропадающий кот, Роуз забывает о постигшем ее горе, и потому решила воздержаться от расспросов.

– Конечно, не побоюсь, – с пренебрежительной насмешкой сказала девочка. – Я все время одна.

Об этом стоит расспросить ее поподробнее. Потом. Когда придет время. Впрочем, теперь понятно, откуда взялся тот взгляд, поразивший Лили при первой встрече с девочкой: Роуз давно свыклась с тем, что на нее махнули рукой.

А пока перед Лили стояла иная задача: обнаружить местонахождение мистера Сопелкина. И герцога, который, возможно, знает о том, где находится пропавший котенок.

Если даже количество комнат в доме герцога действовало на Лили устрашающе, то для того, чтобы обеспокоить герцога вопросом о местонахождении кота, от нее потребуется беспримерное мужество. Не говоря уже о том, что, задавая этот вопрос, она будет чувствовать себя ужасно глупо.

Но если ее поступок сделает девочку чуть-чуть счастливее, она не побоится даже гнева герцога Сердцееда.

Крепко ухватившись за эту мысль, Лили спускалась по огромной мраморной, устрашающей своим величием лестнице.

Герцог и его дом – не одно и то же. Но герцог пугал ее еще больше, чем его дом, а впечатлял сильнее в разы. И тот факт, что герцог – он же хозяин дома – был самым мужественным, самым импозантным и, разумеется, самым титулованным из всех мужчин, встреченных ею на жизненном пути, никак ее не обнадеживал.

Если дело так пойдет и дальше, на нижней ступени окажется уже не знающая себе цену гувернантка, а дрожащий комок нервов.

Куда подевались ее деловитость и целеустремленность? Ее легендарная собранность?

Ах да, конечно. Она все это выбросила за ненадобностью в тот момент, когда ей вдруг вздумалось рискнуть.

«Успокойся, Лили, – мысленно приказала она себе. – Он всего лишь мужчина. Импозантный, богатый, влиятельный мужчина, который, возможно, знает, куда запропастился котенок. Вот и все». И если она, Лили, не хочет, чтобы ее с позором уволили, она должна оставаться уравновешенной, педантичной, методичной.

Сделав глубокий вдох перед дверью в розовую гостиную, Лили вошла. Герцог, как она и предполагала, был там. Только он не пил бренди из горлышка, небрежно прислонившись к секретеру, и он не ласкал какую-нибудь девицу, нашептывая ей на ухо непристойности своим низким чувственным голосом. Нет, она застала его в тот момент, когда он застегивал пелерину на кукле с каштановыми волосами, обутой в маленькие черные туфли. И эта кукла, если только ее представление о герцоге не было в корне ошибочным, никак не могла принадлежать ему.

Лили, кажется, вспугнула его своим появлением, но испуг (если это был испуг) сменился досадой, а досада быстро сменилась гневом.

– Как вы смеете входить без приглашения! Я бы мог… Я мог бы…

Лили ловко воспользовалась паузой и подсказала:

– Жуировать?

Герцог мрачно взглянул на нее, затем на куклу, затем снова на Лили.

– Именно так, мисс Лили. Я мог бы как раз сейчас предаваться удовольствиям, – подчеркнуто холодно подтвердил ее предположение герцог.

– Вы планируете предаваться удовольствиям в то время, как с вами под одной крышей живет ребенок, ваша светлость? – спросила она подчеркнуто дружелюбно, без тени осуждения. Лили понятия не имела, каким именно удовольствиям принято предаваться в том мире, которому принадлежал герцог Резерфорд, но интуиция подсказывала ей, что детей стоит держать подальше от тех мест, где этим удовольствиям предаются. Возможно, у него для этих целей есть особые помещения, и ей следует помнить о том, какие комнаты она должна обходить стороной, и не забыть предупредить Роуз о том, чтобы она туда не заглядывала.

Ей ведь не хочется застать герцога за… жуированием? Или хочется?

На скорую руку проанализировав свои мысли, Лили пришла к неутешительному выводу, что она бы не отказалась посмотреть на то, как предается удовольствиям ее работодатель. И она бы совершила большую ошибку, если бы развлекалась вместе с ним.

«Никаких развлечений», – строго приказала себе Лили.

– Мое поведение не обсуждается, мисс Лили, – сказал он, опустив куклу (нежно, как она заметила) на столешницу секретера. – Вы часто входили не стучась к своим прежним работодателям?

– К моим прежним… – Ах да, к викарию с завышенными амбициями. – Ваша светлость, примите мои извинения. Впредь я непременно буду заранее извещать вас о своем приходе, чтобы ни в коем случае вас не побеспокоить. – Лили с удовлетворением отметила, что ей удалось почти в точности воспроизвести интонацию дворецкого, его высокомерно-поучительный тон. С такой чванливой и лицемерной особой ему уж точно не захочется развлекаться! – Я здесь потому, что мисс Роуз плачет, то есть плакала, и она пожелала, чтобы я спросила у вас, где может находиться ваш кот.

– Который из них?

Вот как. По всей видимости, герцог Сердцеед держит у себя целую свору котов. Как это… неожиданно. Может, у каждого из его котов имеется отдельная комната? Что если у него есть и иные странности? Сначала коты, потом дикие африканские хищники. А если он решит и сам превратиться в кота, который

только тем и занят, что пьет молоко, спит и облизывает себя? В том, что он будет пить молоко и спать, Лили не увидела ничего страшного, но стоило ей представить герцога за последним из перечисленных занятий, как ей стало немного не по себе.

– Она сказала, что его зовут мистер Сопелкин.

Одна из его бровей взмыла вверх.

– Ни один из котов не имеет имени, насколько мне известно.

Прекрасно! Он не только держит у себя свору котов, он еще и не потрудился дать им имена. Хорошо еще, что у его дочери уже есть имя, а то ведь он мог бы так всю жизнь и называть ее девочкой.

– Кот полностью черный, с белыми пятнами.

– Значит, не полностью черный. – Губы его сложились в усмешку, и Лили пришлось побороться с желанием улыбнуться в ответ, поскольку ответная улыбка могла бы привести к… взаимной симпатии, а там уже недалеко до влечения, соблазнения и, наконец, жуирования. До всего того, о чем порядочной гувернантке не пристало даже думать, не говоря уже о том, чтобы этим заниматься.

«Да, пора вернуться к коту».

– Так вы знаете, где он может быть?

– Нет. Но я могу спросить Томпсона.

При мысли о том, что дворецкому придется искать кота для девочки, которая еще и дня в доме не прожила, по требованию гувернантки, которая прожила в доме еще меньше…

– Не надо спрашивать у Томпсона, – скороговоркой выпалила Лили. – Я сама его поищу.

Она не могла позволить себе роскошь наживать врагов с первого дня своего пребывания в этом доме. Она попыталась улыбнуться, хотя и понимала, что поступает неоднозначно. Гувернантка должна уметь держать дистанцию, а улыбки имеют свойство сближать.

Лили, наверное, выглядела так, словно страдала несварением желудка. Разумеется, она всегда могла списать свою тошноту на тошнотворный колорит розовой гостиной. Или на голод. Да, кстати, когда ей наконец представится возможность поесть?

– Кот, скорее всего, вернется туда, откуда ушел. Вероятно, он уже вернулся, и Роуз опять с ним играет.

Герцог Резерфорд задумчиво потер переносицу.

– Мисс Лили, можно мне вам кое в чем признаться?

О боже! Не собрался ли он сообщить ей о какой-то своей ужасной привычке? Или о том, что он всегда мечтал вести жизнь домашнего кота, с герцогским титулом, разумеется?

– Конечно, ваша светлость.

– Я никогда прежде не жил под одной крышей с ребенком.

«Тоже мне сюрприз!»

– В самом деле?

– И поэтому я должен вас попросить помочь мне найти с ней общий язык.

Его готовность признаться в том, что он не все на свете знает, тогда как в ее представлении все герцоги были завзятыми всезнайками или, на худой конец, считали себя таковыми, потому что им это внушали окружающие, смягчила ее сердце.

А этот мягкий свет в его глазах, когда он говорит о Роуз, тоже не мог оставить ее равнодушной.

– Я готов гарантировать вам трудоустройство на протяжении как минимум трех месяцев. – Герцог продолжал говорить уже хорошо знакомым Лили холодным, сдержанным тоном, не подразумевающим никаких личных симпатий. – Или до тех пор, пока Роуз не будет определена куда-нибудь в другое место.

Следовательно, ее помощь понадобится ему на ограниченный период времени. Она проработает на него ровно столько, сколько будет необходимо для того, чтобы доказать свою состоятельность, и по окончании установленного им срока она получит столь необходимые агентству положительные рекомендации от самого герцога Резерфорда. Пока все складывается как нельзя лучше и для нее, и для агентства.

«Именно так – как нельзя лучше», – с нажимом повторила Лили засомневавшейся себе.

– Вот. – Маркус схватил с секретера куклу и сунул ей в руки. – Возьмите. Для Роуз, – уточнил он, словно Лили могла подумать, что он дарит куклу ей.

Лили взяла куклу из его рук, и пальцы их соприкоснулись. Контакт немедленно вызвал к жизни множество образов, как в калейдоскопе промелькнувших у него в голове. Он представлял, как его пальцы скользят по ее ладони вверх, к запястью, и выше, к локтю, и еще выше, к ключице. Он живо представлял, как пальцы его скользят по нежной коже ее шеи к затылку, как нежно, но настойчиво надавливают на основание черепа, облегчая задачу губам, которые входят в контакт с его губами и…

– Вы очень добры. Как вам удалось так скоро найти куклу? – спросила она, и ее болотно-ореховые глаза сделались светлее на два тона и на два тона теплее и приобрели особенный золотистый оттенок.

Слава богу за то, что Он не научил ее читать мысли.

– Я спросил Томпсона, не завалялись ли где в доме игрушки. – Он пожал плечами, вдруг почувствовав смущение. – Это такая мелочь, и я подумал, что она обрадуется.

Лили улыбнулась, обнаружив ямочку на щеке. И, с тревогой подумал Маркус, обнаружив в нем желание лизнуть эту ямочку.

Откуда брались все эти побуждения?

Если честно, он знал, откуда. Маркус с трудом подавил побуждение опустить глаза и посмотреть на себя. Правильнее было бы задаться вопросом, почему все это с ним происходит.

Но для того, чтобы рассмотреть возможные варианты ответа на этот вопрос, он должен подождать. Дождаться, когда она уйдет, оставив его одного.

– Она очень обрадуется, ваша светлость, – ответила Лили. – А сейчас, если вы позволите, я должна заняться поисками мистера Сопелкина.

«Мистера… Ах да, это же кот».

– Конечно. – Он наблюдал за тем, как она поворачивается лицом к двери. – Подождите.

Девушка обернулась, прижимая куклу к груди.

– Да, ваша светлость?

– Я бы хотел присоединиться к вашим поискам, если можно.

Он не мог не заметить насмешливого блеска в ее глазах. И губы ее были как-то странно поджаты. Словно она из последних сил сдерживала смех.

– Да, я знаю, что титулованные особы обычно не охотятся на домашних котов, – сказал он, отвечая на ее невысказанный вопрос, – но если это принесет радость девочке…

– Роуз, – подсказала она, и кислая мина вернулась.

– Да, Роуз, – нарочито громко произнес он. – Если это принесет радость Роуз, я готов помочь.

– Это, конечно, вам решать, – проговорила она таким тоном, словно сомневалась в его способности отыскать собственный нос на собственном лице, не то что кота, который, надо думать, забрел в поисках мышей в самые отдаленные закутки подвала.

Маркус мог отыскать свой нос. В этом он был уверен. Но на всякий случай он поднял палец и прикоснулся к кончику своего аристократического носа. А теперь у Лили сделалось такое лицо, словно он ввел ее в ступор.

Чем же он так ее потряс? Способностью отыскать собственный нос?

– Может, вначале нам стоит проведать Роуз и сообщить ей о наших планах? – Он подумал, что его предложение звучит очень даже разумно, и она, очевидно, подумала так же. Если судить по тому, что ее губам вернулась естественная пухлость.

– Да, это определенно здравая мысль.

– Рад получить от вас одобрение, – сухо заметил герцог.

– «Одобрение» слишком сильное слово, ваша светлость, – произнесла Лили тоном, которому хотела придать едкости, а получилось очень даже пикантно. Изысканно и вкусно. С приятной кислинкой, от которой аппетит разыгрывается еще сильнее.

Лили направилась к двери, и он пошел следом, изо всех сил стараясь не очень обращать внимание на крутой изгиб, знаменующий переход от тонкой талии к пышным бедрам. И не замечать, как колышущийся подол открывает узкие лодыжки, облаченные в удручающе толстые шерстяные чулки. И не смотреть на ее затылок, на ту самую нежную впадинку, которую ему так хотелось поцеловать.

Он трудился изо всех сил. Разумеется, для выполнения этой сложной работы, заключающейся в том, чтобы сознательно не замечать того, что само бросается в

глаза, требуется немало терпения и выдержки – тех самых двух качеств, которые до сих пор оставались невостребованными. Придется тренироваться. Вырабатывать в себе эти ставшие необходимыми качества. Учиться им. Возможно, в качестве учителя он должен нанять ту же гувернантку.

Хотя, продолжал рассуждать Маркус, старательно ничего не замечая, этот шаг поставит его в еще более трудное положение.

Лили поднималась по пугающей своим величием лестнице в комнату, где она оставила Роуз, спиной чувствуя взгляд идущего следом герцога. Она была в смятении. Слишком много сильных впечатлений за один день, из которых самое сильное – знакомство с герцогом Резерфордом. Герцогом, которого она про себя окрестила Сердцеедом, имея в виду в первую очередь свое собственное сердце. Насколько ей было бы проще, если бы первый герцог, пожелавший воспользоваться услугами агентства, был бы лет на тридцать старше этого, а еще лучше, если бы он был не просто старым, а еще и плешивым и горбатым.

Лили прекрасно понимала, что эти несколько месяцев не будут для нее легкими, если она не научится управлять своими чувствами и эмоциями. Но как заставить себя не краснеть некстати? Как заставить себя не думать постоянно о хозяине этого дворца, в котором так много комнат? Стоило лишь издали увидеть его дом, чтобы понять: хозяин этого дома всегда получает то, что хочет. А после личного знакомства с хозяином у Лили не осталось никаких сомнений: если он чего-то (или кого-то) захочет, то он свое получит.

И что же ей теперь делать? Бежать из этого дома куда глаза глядят? «Хватит себя накручивать, – решила Лили. – Сейчас не о герцоге Сердцееде надо думать, а о котенке по имени мистер Сопелкин. Вернее, о том, где мистер Сопелкин может прятаться». Открывая дверь в спальню Роуз, Лили уже успела разработать план поисковой операции. Но искать мистера Сопелкина так и не пришлось. Кот сидел на полу и довольно мурлыкал. А Роуз, которая тоже сидела на полу и выглядела вполне довольной (разве что не мурлыкала, как мистер Сопелкин), чесала кота – полностью черного, с белыми отметинами – за ухом.

То есть не полностью черного.

– Мистер Сопелкин, надо полагать?

Роуз обернулась и подняла глаза на герцога. Щеки ее были все еще влажными от слез, но лицо уже сияло улыбкой.

– Он вернулся сразу после того, как вы ушли. Это вы, должно быть, его вспугнули.

Обидные слова мисс Роуз адресовала Лили, которая уже открыла рот, чтобы возразить девочке, которую застала в слезах из-за пропажи кота, из чего следовало, что кот пропал еще до прихода Лили. Но герцог быстро притронулся к ее рукаву, и Лили решила промолчать.

Итак, они стали заговорщиками.

Заговорщиками, готовыми забыть взаимные обиды и объединить усилия ради достижения общей цели. «Какое опасное романтическое заблуждение!» – тут же осадила себя Лили. Вы с ним на разных полюсах, и никаких общих стремлений у вас быть не может. Уж лучше восхищаться его носом, чем строить воздушные замки. Даже у самой отъявленной фантазерки хватит ума не ждать симпатии от герцогского носа!

Лили сделала глубокий очищающий вдох и лишь после этого отважилась обернуться и взглянуть на него. И вновь поразилась глубине и пристальности его взгляда. Глаза у него были темно-карие, почти черные, и брови его тоже были очень темными, почти черными, густыми и на редкость выразительными.

– Спасибо, ваша светлость. Думаю, дальше мы справимся без вас.

Лили судорожно сглотнула, осознав, что сделала. Фактически она велела герцогу убираться вон. Неслыханная наглость! И, судя по выражению лица герцога Резерфорда, его оценка поступка Лили целиком совпадала с ее собственной.

– Дамы, прошу меня извинить, – с металлом в голосе сказал герцог. – Срочные дела не позволяют мне дальше наслаждаться вашим обществом. – С легким поклоном он развернулся и направился к двери, всем своим видом демонстрируя крайнюю степень раздражения.

– Герцог, – звонко окликнула его Роуз.

Он обернулся, и лицо его расплылось в улыбке.

«О боже, – подумала Лили, – только не смотри на меня таким же взглядом, не то я растаю и превращусь в лужу. И испорчу ковер».

– Да, Роуз?

– Спасибо за то, что взяли меня к себе.

Роуз поблагодарила герцога будничным тоном, без пафоса, словно переезд в дом с пугающим количеством комнат был для нее обычным делом, и, не мешкая, вернулась к прежнему занятию – игре с котенком. Трудно сказать, что чувствовали присутствующие дети (то есть котенок и девочка), но двое взрослых на время лишились дара речи.

Герцог выбирает развлечение сообразно собственным желаниям при условии, что выбранное развлечение не нанесет ущерб его репутации, его состоянию и обществу в целом.

Таким образом, выбор развлечений ограничивается познавательным чтением, жуированием, беседами с лицами, являющимися подходящей для герцога компанией, и, возможно, заботой о благовоспитанном животном, находящемся в собственности герцога.

«Энциклопедия этикета для герцога»

Глава 6

Он больше ничего не сказал, лишь в последний раз взглянув на Лили своими выразительными темными глазами, вышел за дверь и оставил ее наедине с Роуз.

И мистером Сопелкиным.

Лили опустилась на ковер рядом с Роуз и котенком. Глядя на девочку, Лили с трудом подавила желание погладить ее по голове так же, как Роуз гладила котенка.

– Совсем забыла, – сказала Лили и протянула Роуз куклу. – Герцог ее тебе дарит.

У Роуз округлились глаза. Она прекратила гладить мистера Сопелкина и, взяв куклу, тут же стала качать ее, словно младенца. Тогда Лили не выдержала и погладила девочку по голове.

– Ты должна дать ей имя, – произнесла Лили.

«Ибо, видит бог, твой отец этого не сделает».

Роуз сосредоточенно наморщила лоб и чуть погодя довольно кивнула.

– Мэгги.

– Превосходный выбор. – Лили не была уверена в том, что поступает правильно, но она считала, что Роуз непременно должна знать о том, что у нее в доме есть союзник. Без шерсти и без бусин вместо глаз, но все равно друг. – Я понимаю, что мы знакомы совсем недолго, но я хочу, чтобы ты знала: я буду хорошо о тебе заботиться. И твой отец тоже, – добавила Лили. Она не имела права обещать за него. Оправдывало Лили лишь то, что она дала себе слово добиться от герцога выполнения обещанного.

– Угу, – сказала девочка.

– Роуз, – Лили отчего-то узнавала в этой девочке себя и продолжала думать, что Роуз нуждается в сочувствии и поддержке, – я знаю, что ты приехала сюда только утром. Тебя привезли в карете?

– Угу, – кивнула девочка.

– Я никогда прежде не бывала в этой части Лондона, – солгала Лили, не оставляя попытки втереться в доверие к своей воспитаннице. На самом деле Лили любила здесь гулять и любоваться роскошными особняками, втайне завидуя их обитателям. – И в этом огромном доме так легко заблудиться. Если я заблужусь, могу я рассчитывать на твою помощь?

Роуз с серьезным видом кивнула. Лили открыла рот, чтобы сказать еще что-нибудь в этом духе, но в этот момент Роуз заговорила сама:

– Мама умерла сегодня рано утром, и мамина подруга сказала, что теперь пусть мой отец решает, как со мной быть, и посадила меня в карету с двумя лошадьми: одной гнедой и одной черной, – и мы приехали сюда. – Роуз перебирала пряди кукольных волос. – Я скучаю по маме, но герцог сказал, что он обо мне позаботится.

Ком в горле мешал Лили дышать, не говоря о том, чтобы говорить. Неизвестно, кого она сейчас жалела больше: Роуз или себя. Если бы у юной Лили был такой отец, как у Роуз, ей бы не пришлось искать работу в том единственном месте, где она могла ее найти. Но мать, которой отец после смерти не оставил ничего, кроме долгов, заболела с горя, потеряла интерес ко всем и вся и таяла с каждым днем, пока не истаяла совсем. Сестра ее ушла в мир иной еще при жизни обоих родителей, а больше никого у Лили не было.

Как бы там ни было, Лили не хотела повторить судьбу матери. Ей хотелось жить и радоваться жизни.

А для того чтобы жить, надо что-то есть. Пока Лили предавалась невеселым раздумьям, Роуз знакомила Мэгги и мистера Сопелкина друг с другом. Глядя на увлеченно играющую девочку, Лили подумала, что Роуз, возможно, даже не заметит ее отсутствия, если она заглянет на кухню. А если заметит, не расстроится. Живот у Лили свело от голода, и сил терпеть у нее не было.

– Ты не побудешь пару минут одна? – спросила у девочки Лили. Она очень надеялась, что сможет отыскать среди множества дверей ту единственную, за которой найдется еда. – А когда я вернусь, мы вместе решим, чем будем заниматься в ближайшие дни.

– Я не одна. Со мной Мэгги и мистер Сопелкин, – веско возразила ей Роуз, неодобрительно взглянув на непонятливую гувернантку. И Роуз была по-своему права. Всем троим (Роуз, котенку и кукле) было хорошо вместе. Мистер Сопелкин с увлечением жевал прядь кукольных волос, пока Роуз изучала фасон кукольного платья. По всей видимости, они нашли между собой общий язык.

– Не скучайте тут без меня. Я скоро приду.

Открыв дверь в коридор, Лили заметила горничную, что вытирала пыль с одного из многочисленных портретов предков нынешнего герцога.

– Простите за беспокойство, – обратилась к девушке Лили, – но вы не могли бы посидеть с девочкой четверть часа? Меня, кстати, зовут Лили. А вас?

– А меня Этта. Конечно, я посижу с ней. Не волнуйтесь.

Роуз отнеслась к Этте с тем же философским спокойствием, с каким, похоже, принимала все перемены в своей судьбе. Пожалуй, лишь котенок и кукла вызвали у нее всплеск радостных эмоций. В любом случае Лили было спокойнее, когда она знала, что девочка находится под присмотром взрослого человека.

Теперь Лили с чистой совестью могла заняться удовлетворением своих насущных потребностей. Она нашла кухню с шестого или седьмого раза, и, познакомившись с кухаркой по имени Партридж, оказавшейся куда менее чопорной и куда более человечной, чем дворецкий или лакей, принесший записку в агентство, получила вожделенную чашку чая с миндальным пирожным.

Партридж подтвердила то, что Лили и так знала от герцога: Роуз привезли сюда только сегодня утром, и она была дочерью хозяина и «одной из этих падших женщин». Говоря о падших женщинах, кухарка брезгливо поджала губы, лишний раз напомнив Лили о том, что может произойти, если кто-то узнает о ее, Лили, прошлом.

Не то чтобы она работала в борделе, но если вам говорят о женщине, что она работала в борделе, что вы подумаете? Вот именно. Потому что далеко не всякий способен подняться над предрассудками. А то, что работа Лили заключалась в ведении бухгалтерских книг и ничем, по сути, не отличалась от

той работы, что она выполняла в агентстве, никому уже не важно.

Лили, дочь мелкопоместного дворянина, была вынуждена пойти работать, потому что отец ее разорился вдрызг. Ему, глупцу, нравилось рисковать. Он не хотел или не умел думать о будущем и ничему хорошему не мог научить свою дочь. Разве что тому, что она ни в коем случае не должна выходить замуж за человека, похожего на отца. За эгоиста и безвольного раба своих желаний.

Больше всего Лили боялась, что дурные склонности отца передадутся ей, и всячески боролась с малейшими проявлениями подобных тенденций.

Она все время напоминала себе, что должна помнить о поставленных целях, о том, как важно добиться успеха. Важно не только для нее самой, но и для ее партнеров, и для всех тех женщин, которым они успели помочь за несколько месяцев работы агентства. И еще для всех тех женщин, которым совладелицы агентства надеялись помочь в будущем: для тех, кому не повезло в жизни.

Кому, в отличие от Роуз, не достался такой отец, как герцог Резерфорд, или такая гувернантка, как она, Лили.

Подумав о Роуз, Лили вдруг вспомнила, что тоже не взяла с собой никаких вещей. В чем же она будет сегодня спать? Отправляясь сюда с пустыми руками, она определенно рисковала, разве нет?

– Где я могу найти герцога? – спросила Лили у встретившегося ей лакея, несшего поднос с грязной посудой и нечто очень похожее на дамский корсет.

– В библиотеке, – ответил лакей, кивком указав на дверь. – Но…

Лили, так и не дослушав лакея, дважды постучала в дверь, чтобы избежать неловкости на случай, если ее приход застал герцога за каким-либо предосудительным занятием, после чего, не дожидаясь приглашения, открыла дверь и вошла, закрыв за собой дверь.

Ничего предосудительного герцог не делал: он сидел в кресле, вытянув перед собой длинные ноги. На коленях его сидел огромный рыжий кот, и герцог чесал кота за ухом.

На приставном столе возле него стояла недопитая чашка чаю, и если бы речь шла о любом другом человеке, Лили бы подумала, что видит перед собой милую домашнюю сценку.

Открывшаяся перед ней картина слишком смахивала на эпизод из сентиментальной мелодрамы, поскольку герцог, умильно глядя на кота, тихо урчал под стать самому коту. Оказывается, он (герцог, а не только кот) способен вести диалог на равных, а не только отдавать приказы и отпускать язвительные реплики.

Лили зажмурилась и вновь открыла глаза. Нет, ей это не привиделось. Удивительно, как могут в нем мирно сосуществовать надменность и доброта. Стремительность перехода из одной ипостаси к другой завораживала. Он вгонял ее в краску, даже не догадываясь о том, что сам является причиной ее замешательства.

– Ваша светлость, – пробормотала Лили, чувствуя, как пылают ее щеки, и от этого смущаясь еще сильнее. Она судорожно сглотнула, и ей показалось, что он следит глазами за движением ее горла – наблюдает за тем, как она собирается с духом для того, чтобы обратиться к нему с просьбой.

– Полагаю, с Роуз все в порядке и вы здесь для того, чтобы получить ответ на вопрос, на который больше никто в доме ответить не в состоянии.

Тон у него был насмешливо-издевательский. Однако не на все сто процентов. Лили даже думать не хотелось о том, что представляют собой оставшиеся двадцать пять процентов.

И вновь она ощутила прилив жара к щекам.

– Да. Видите ли, я считаю своей обязанностью оставаться здесь, поскольку Роуз теперь находится у меня на попечении, но так получилось, что я не взяла с собой ничего из вещей, и потому я хотела бы попросить разрешения вернуться за ними.

Герцог нахмурился. Пушистый кот, надо полагать безымянный, почувствовал недовольство хозяина и упруго спрыгнул на пол.

– Сейчас? Но скоро стемнеет, и вы не можете ехать одна.

– Возможно, вы могли бы послать со мной лакея?

«Только бы не того ворчливого типа!»

Впрочем, не исключено, что все лакеи в его доме ворчливые и хмурые. Как бы там ни было, хмурый лакей увидит, где она живет – а живет она далеко не в самом респектабельном районе, – и расскажет о том, что увидел, всем прочим слугам, и все узнают, что жизнь ее не задалась. И тогда все будут считать ее неудачницей. Что, разумеется, предпочтительнее, чем прослыть «пропащей», но тоже не слишком приятно.

– Хотя… – Господи, неужели она решится об этом попросить?

Герцог вопросительно приподнял бровь.

– Хотя, возможно, вы подскажете мне, у кого я могла бы одолжить что-то, во что можно переодеться на ночь? А завтра утром я сразу же поехала бы за вещами, после завтрака.

– Значит, все же не сразу, а после завтрака, – сухо заметил герцог.

Лили твердо сказала себе, что ее не собьет с толку тот факт, что вот уже во второй раз за день он шутит в ее присутствии. Рассчитывая на то, что она улыбнется? Лили представила, как они вместе смеются, и внизу живота разлилось приятное тепло.

– То есть я хотела сказать, что если какая-нибудь из работающих в доме женщин могла бы…

– Таких не имеется.

– Но, ваша светлость, у вас есть горничные. К примеру, Этта, что сейчас присматривает за Роуз. Если бы вы разрешили мне попросить у нее…

– Нет. – Тон у него был самый что ни на есть категоричный. Настоящий герцогский тон. Лили не сомневалась, что тон у него именно герцогский, а никакой не баронский, несмотря на то что он был первым герцогом, с которым ее свела жизнь. Она просто представить не могла, чтобы кто-то, не обладающий его титулом, его положением в обществе, его состоянием, не говоря уже о его внешности, мог бы говорить так твердо, так авторитетно, одним словом, так, что ему просто нельзя было не подчиниться. И едва она собралась спросить у него, что, по его мнению, она должна делать, он отдал ей распоряжение.

Категорично и твердо, как и положено герцогу:

– Вы возьмете одну из моих ночных сорочек. – С этими словами он встал, и совокупное воздействие его немалого роста и беспрецедентно шокирующего заявления оказалось таким мощным, что у Лили перехватило дыхание.

Нет, кажется, способность дышать к ней вернулась. Но дыхание сделалось каким-то подозрительно частым и мелким. Лили живо представила герцога в ночной сорочке. Не то чтобы она имела представление о том, как выглядит мужская ночная сорочка, особенно та, что носит герцог: может, она сплошь расшита золотом или сделана из крыльев бабочек? Но для полноты картины, сложившейся в ее воображении, ни фасон, ни тем более материал герцогской ночной рубашки значения не имел. Важно было, как выглядит сам герцог почти без одежды. Мысли ее двигались в довольно опасном направлении, и, к счастью, Лили это заметила.

– Я не могу, – сказала она, стараясь придать своему голосу как можно больше спокойной уверенности и даже легкую нотку неодобрения, хотя она знала, что говорит, слегка задыхаясь, испуганно и, возможно, все еще под большим впечатлением от представшей ее внутреннему взору картины. – Это крайне неприлично.

– Еще неприличнее, чем брать одежду взаймы у горничной? Вы думаете, слуги уже не перемывают кости моей дочери? И вы хотите дать им дополнительный повод для сплетен о невесть откуда взявшейся гувернантке без личных вещей? – С каждым новым вопросом бровь его взмывала все выше, и Лили стало ужасно неловко за свою близорукость. Сценарий, включающий хмурого лакея, не в счет.

И все-таки, не спать же ей в его ночной рубашке!

– У меня есть личные вещи, просто они не здесь!

Герцог пожал плечами, словно ему было все равно. Разумеется, ему было все равно.

– Вы можете взять мою ночную рубашку, можете не брать. В чем вы спите, меня не касается, но раз уж девочка, Роуз, – с особым нажимом на последнем слове добавил он, – находится здесь, я не могу допустить, чтобы кто-либо из живущих в моем доме дал повод заподозрить себя в непристойном поведении. – Герцог замолчал. Кажется, мыслями он унесся куда-то очень далеко. Спохватившись, он закончил: – Пришло время всем вести себя как подобает.

Итак, ради того чтобы не давать прислуге повода для сплетен, он просил ее о вопиющем, невообразимом нарушении приличий! Хотя эпитет «невообразимый» был тут, пожалуй, лишним. Лили не была обделена воображением, и для нее не составляло труда представить себе куда менее приличные действия, чем облачение в его ночную рубашку перед отходом ко сну.

Она ляжет в кровать в его ночной сорочке. Надетой на голое тело.

И если бы ее интересы не выходили за рамки получения места гувернантки лично для себя, она бы отказалась от места немедленно, ибо если он предложил ей такое в первый день работы, что же он станет предлагать (не говоря уже о том, что он будет делать) на день, скажем, пятнадцатый? А на сорок седьмой?

Но она поставила на кон куда больше того, что он мог представить, и потому она возьмет то, что он предлагает, и останется работать в этом доме, и будет страдать от его самовластия.

И то, что она при этом получала возможность наслаждаться его обществом и любоваться его выдающимися внешними данными, было… Но не могут же у работы быть одни минусы! Да, ей удалось найти единственный плюс. Все равно что отыскать в корзине яблок для сидра одно-единственное целое, не гнилое, без единой червоточины. Такое аппетитное на вид… Нет, ей не хотелось вонзиться в него зубами. Ну разве что чуть-чуть откусить.

– Хорошо. Я возьму вашу сорочку. А завтра я привезу свои вещи, – сказала Лили как можно холоднее, но оставаясь в пределах приличий.

Герцог небрежно взмахнул рукой.

– К чему себя утруждать? Если обо всех прочих ваших вещах можно судить по этому платью, то придется одеть вас во все новое с головы до пят. Завтра мы отправимся покупать одежду для Роуз. Качество ее платья вполне соответствует качеству вашего платья. Со стороны может показаться, что ваши наряды приобретены у одного и того же старьевщика.

– Это было бы верхом неприличия, ваша светлость.

Он многозначительно усмехнулся.

– Еще неприличнее, чем спать в моей ночной сорочке, мисс Лили? Вряд ли. Итак, завтра мы отправляемся за покупками, и мы непременно подберем что-то более подходящее для занимаемой вами должности. Если вы будете ненадлежащим образом одеты, кривотолков не избежать. А я уже говорил, что соблюдение приличий теперь для меня на первом месте, и, поскольку я могу позволить себе ради этого раскошелиться, я куплю то, что сочту необходимым.

Разве с ним поспоришь?

Тем более что у Лили было всего два платья и один плащ, который, в силу ветхости, уже почти не спасал от холода. А что касается платьев… Они прикрывали тело, и, как старательно убеждала себя девушка, ее это устраивало.

– Превосходный план, – сквозь зубы процедила она.

Вообще-то, с учетом бедственного состояния ее гардероба, ей бы следовало благодарить герцога за щедрое предложение. Но Лили чувствовала себя задетой и отчасти униженной. Словно он не платье собрался ей покупать, а ее саму. И поскольку Лили имела вполне ясное представление о том, что случается с женщинами, которым покупают наряды авансом, щедрое предложение герцога не могло ее не насторожить.

Хотя часть ее, та самая, которая имела привычку визжать от восторга и не имела привычки тщательно анализировать полученную информацию, была готова пуститься на радостях в пляс. Потому что как можно не радоваться новому

платью?

И тому, что она будет спать в его рубашке?

Если герцогу позволяют финансы приобрести для своей гувернантки новый гардероб и, что еще важнее, если ему хочется приобрести для своей гувернантки новый гардероб, тем самым изменив окружающий его мир к лучшему, то ему следует это сделать вне зависимости от того, что по этому поводу думает его гувернантка.

«Энциклопедия этикета для герцога»

Глава 7

«Жуировать» с мисс Лили Маркусу было куда занятнее, чем играть на деньги. В карты ему неизменно везло, и игра как таковая уже давно перестала его возбуждать. Другое дело она – его новая гувернантка. Эта девица оказалась крепким орешком, и Маркусу очень хотелось самому себе доказать, что этот орешек ему по зубам. Она с ходу понимала его шутки, тогда как большинство его знакомых либо вообще не имели чувства юмора, либо их чувство юмора сильно отличалось от его собственного. При этом, в отличие от других знакомых Маркуса, мисс Лили ни в грош не ставила его интеллект, сомневаясь в его способности отыскать собственный нос на собственной физиономии. И еще она в два счета развязала Роуз язык, в то время как он за целых полчаса не добился от девочки ни одного слова.

И сейчас ему ужасно хотелось вновь посмеяться над ее просьбой и его ответом на ее просьбу. Дразнить ее было чрезвычайно приятно, хотя и не совсем правильно. Вернее, совсем неправильно.

Она всем своим видом давала понять, что возмущена его предложением, и в то же время он не услышал от нее ни слова упрека. Она стояла перед ним вытянувшись в струнку, поджав губы, и негодующе молчала.

Когда ему в последний раз приходилось по-настоящему напрячься, чтобы чего-то добиться? Маркус так и не смог припомнить ни одного случая, разве что кроме того, когда в третьем классе гимназии он на спор целых три минуты продержал на носу чайную ложку.

Жаль, что ни отец его, ни брат никогда не побуждали Маркуса к поступкам, которые потребовали бы от него концентрации всех имеющихся внутренних ресурсов. Им было все равно, способен ли он хоть на что-нибудь, будь то акробатический номер с ложкой, джигитовка или виртуозное владение музыкальным инструментом. Единственное, на чем они оба упорно настаивали, так это на том, чтобы он прекратил бродить по окрестностям в полном одиночестве, поскольку подобное поведение неприлично для джентльмена.

Очевидно, они не видели ничего неприличного в том, чтобы его либо игнорировать – так чаще всего и бывало, или унижать – что происходило в тех редких случаях, когда его не хотели или не могли игнорировать. И потому, когда он должен был на спор удержать ложку на носу две минуты, он не давал ей упасть еще целую минуту после того, как уже выиграл спор.

Если бы только он мог продержаться лишнюю минуту, занимаясь кое-чем другим!

Но ему не следует об этом думать, поскольку этими мыслями он, вполне возможно, навлекает на себя неприятности. Если бы только он мог думать о чем-то другом! Эта новая гувернантка имела для него больший вес, чем ложка на носу. Во всех смыслах.

– Тогда прошу за мной. – Маркус шагнул к двери, открыл ее и придержал, пропуская гувернантку вперед. Она проскользнула мимо, коснувшись его ног подолом платья. В этот момент он уловил ее запах: теплый, деликатный, чем-то напомнивший самый лучший летний день в Лондоне. Нет, не то: Лондон ужасно пахнет летом. Пожалуй, она напомнила ему летний день в зеленом пригороде. Маркус, сделав над собой усилие, стряхнул эту мысль и продолжил упражняться в «незамечании». Он старательно не замечал, как она поднимается по лестнице. На верхней ступени мисс Лили оглянулась и посмотрела на него с лимоннокислой миной. Кажется, скоро у него начнется изжога от этой кислятины.

– Куда мы направляемся, ваша светлость?

– В мою спальню, разумеется, – как ни в чем не бывало ответил Маркус. Двусмысленность сказанного приятно щекотала ему нервы.

Лимоннокислое выражение уступило место выражению глубочайшего потрясения. Маркус испытал облегчение, не обнаружив в ее потрясенном лице признаков страха.

– Я не могу идти с вами в вашу спальню, и вы об этом знаете.

– Если я только что сказал, что мы туда идем, я не мог об этом знать. Это же очевидно. Нам сюда, – добавил он, не дожидаясь дальнейших возражений с ее стороны. Она может спать голой, если хочет. Зачем он только об этом подумал – теперь она будет чудиться ему голой всю ночь, мешая спать! В любом случае она пойдет с ним туда, куда он ей скажет.

Маркус шел не оглядываясь, словно ни на йоту не сомневался в том, что она идет следом. Его спальня была в самом конце коридора, и все многочисленные герцоги Резерфорды с неодобрением смотрели на него со стен, видя в нем явные признаки вырождения.

«Я не просил производить меня в герцоги!» – хотел крикнуть им Маркус. Но, раз уж он герцогом оказался, стоит ли отказываться от тех привилегий, что дает титул? С паршивой овцы хоть шерсти клок, как говорится.

Маркус шагнул в свою спальню, спиной чувствуя близкое тепло тела Лили. Он прикрыл за ней дверь, просунув руку в тесный промежуток между дверью и ее спиной, и, не задерживаясь, направился к шкафу.

– Так, где же мои ночные сорочки? – сказал он, рассеянно похлопывая себя пальцем по губам. Маркус имел лишь примерное представление об их местонахождении, поскольку одежду для него готовил камердинер, и когда приходило время укладываться спать, сорочка уже лежала перед ним на кровати. Но Миллер – так звали камердинера – еще не заступил на пост, на что, собственно, Маркус и рассчитывал. Не потому, разумеется, что он желал остаться наедине с гувернанткой в спальне, а потому, что не хотел никому, включая своего личного слугу, давать повод для сплетен о герцоге и его

гувернантке.

– Не стоит слишком утруждать себя поисками, – не без сарказма заметила гувернантка.

Маркус обернулся к ней и, приподняв бровь, спросил:

– Вы хотите сказать, что я не знаю, где находятся мои вещи, мисс Лили?

Она предпочла промолчать.

Между тем Маркус рывком выдвинул верхний ящик комода и, переворошив содержимое (он даже не подумал посочувствовать Миллеру, которому придется все снова аккуратно складывать), извлек ночную сорочку и повесил ее к себе на плечо. Он по-прежнему стоял к Лили спиной, когда почувствовал, что она, схватившись за тот конец, что был к ней ближе, потянула сорочку на себя. И тогда он повернулся к ней лицом. Их разделяла лишь его ночная сорочка. Эта фраза была бы уместна и при ином развитии событий – более для него предпочтительном.

– Спасибо, ваша светлость, – не поднимая глаз, сказала мисс Лили. – Я верну ее завтра. – Она потянула за свой конец, но Маркус стиснул свой конец сорочки в кулаке.

– В этом нет необходимости. У меня их много. И к тому же мне бы не следовало надевать ее на себя после того, как вы надевали ее на голое тело, вы не находите?

Ему почудилось или его слова действительно повергли ее в дрожь?

После этого Маркус разжал кулак, и Лили торопливо выхватила у него сорочку и, туго ее свернув, прижала к груди.

– Спасибо. А теперь, если позволите, я бы хотела проведать Роуз.

С этими словами она бросилась наутек, оставив Маркуса одного в раздумьях о двух особах женского пола, которых он только сегодня впустил в свою жизнь. И

у него закралось подозрение – нет, он знал наверняка, – что его жизнь уже никогда не будет прежней.

Лили опрометью неслась по коридору, борясь с искушением уткнуться носом в заветный сверток. Искушение оказалось сильнее ее. Лили забежала к себе в комнату лишь затем, чтобы оставить там его сорочку, и тут же вернулась в коридор, а оттуда – в спальню Роуз.

Девочка лежала под одеялом, крепко обнимая новую куклу по имени Мэгги, а мистер Сопелкин, устроившись на приступке к кровати, старательно себя вылизывал.

– Она уснула через пятнадцать минут после вашего ухода, бедняжка, – сказала горничная по имени Этта. – Такая милая девочка!

– Спасибо, что посидели с ней.

Этта с достоинством кивнула и тихо выскользнула из комнаты – не горничная, а сама тактичность. Лили присела на край широкой и исключительно удобной кровати. Не кровать, а само совершенство! Не стоит забывать, что в доме герцога все и вся должно быть только самого лучшего качества – от прислуги до мебели. Эта кровать оказалась вдвое шире той, что стояла в маленькой съемной квартире Лили, а ведь кровать герцога была раза в два шире той, на которой спала Роуз. Лили знала, какая у него кровать. Она побывала в его спальне.

Что было верхом неприличия. При мысли об этом у Лили свело живот. Хотя, возможно, виной тому было миндальное пирожное, которым угостила ее кухарка по имени Партридж.

Роуз приподняла голову от подушки. Глаза у нее были все еще сонными.

– Хорошо вам спалось, мисс Роуз? – спросила Лили, переходя на «вы».

Роуз кивнула.

– Этта рассказала мне сказку, мистер Сопелкин убаюкал меня мурлыканьем, а Мэгги сказала, что ей здесь нравится.

– Вот и славно. Не хотите ли почистить перышки перед ужином? Я не знаю, где его накрывают, но вы, должно быть, сильно проголодались.

Роуз задумчиво наморщила лоб.

– Вообще-то, я не очень голодна. Я попила чаю, когда приехала. С герцогом. К чаю были миндальные пирожные.

Все как в готическом романе. Чай с герцогом, пожирателем дамских сердец.

– Завтра мы поедем покупать новую одежду.

Роуз состроила недовольную рожицу.

– Не люблю ходить за покупками. Можно мне остаться здесь с мистером Сопелкиным?

«И отдать мое сердце на съедение герцогу Сердцееду?»

– Завтра будет видно, – бодрым голосом сказала Лили. – Посмотрим, какое у вас будет настроение. Сегодня был трудный день. – Лили запнулась перед словом «трудный». С одной стороны, ей не хотелось лишний раз напоминать о печальных обстоятельствах, приведших Роуз в этот дом, с другой – она хотела дать девочке понять, что готова ее выслушать, поддержать и утешить, если она того хочет.

– Да, так и есть, – кивнула Роуз, словно в подтверждение чего-то само собой разумеющегося.

– Да, – словно попугай, повторила Лили. Собственно, тема была исчерпана. Говорить было не о чем. Может, стоит начать обучение Роуз с объяснения азов светской беседы. Но вначале придется объяснить, что такое тавтология, потому что без нее никакая приличная беседа невозможна. Пусть уяснит, что день – это день, а кот – это кот и даже кукла, о боже, является куклой.

Лили улыбнулась про себя, подумав, что герцог, скорее всего, оценил бы шутку.

– Чаю, Томпсон.

– Чаю, ваша светлость? – То, что Маркус заметил удивление Томпсона, означало, что дворецкий испытал настоящее потрясение. Потрясение, сравнимое с тем, что испытали жители античных Помпей, когда мир начал рушиться у них на глазах. Трудно представить катастрофу столь же гигантских масштабов, способную повергнуть Томпсона в шок. Разве что если вместо десяти заказанных к завтраку рогаликов из пекарни принесут целую дюжину.

Маркус оторвал взгляд от газеты.

– Принесите чаю, Томпсон. – Если уж он вознамерился стать ответственным отцом, кем он, черт побери, и являлся, то он будет пить чай, а не бренди.

Потому он и сидел в библиотеке, а не в иной, более располагающей к увеселениям, комнате, читая газету и дожидаясь чаю. А не пил бренди бутылками в компании своих новых приятелей.

«И “не жуировал” с гувернанткой», – прошептал голос у него в голове.

Неужели всего двенадцать часов назад он испытывал фрустрацию из-за того, что жизнь его идет, как ему казалось, куда-то не туда? Разве ему не хотелось найти себе занятие, которое могло бы увлечь человека его ранга и титула и при этом не завести его туда, откуда ему не выбраться? То есть в ловушку под названием «узы брака»?

У Маркуса было такое ощущение, словно он ничего в жизни не добился. Нет, он точно знал, что до сих пор не сделал ничего стоящего. А теперь у него появился шанс исправить этот досадный промах.

Возможно, изменив к лучшему жизнь одного маленького, но во всех смыслах близкого ему человека, он смог бы позволить себе делать то, что ему на самом деле хочется делать, даже если это и будет не совсем правильно. Или совсем неправильно.

Сможет ли он смотреть на себя в зеркало, если даже не попытается направить жизнь дочери в верное русло?

Дверь, слава богу, открылась до того, как он успел ответить на этот вопрос. Томпсон самолично принес чайный поднос и водрузил его на приставной столик возле письменного стола, за которым сидел Маркус.

– Налить вам чаю, ваша светлость?

– Нет, спасибо. Я и сам в состоянии. – Потому что пока он вживался в роль благопристойного герцога, суета вокруг собственной персоны ему только мешала. И какое ему дело до того, что всем прочим герцогам эта суета ничуть не мешает?

– Как скажете, – сказал Томпсон с поклоном и, судя по всему, собрался выйти за дверь, но Маркус остановил его взмахом руки.

– Подождите. Если кто-нибудь спросит, кем мне приходится мисс Роуз, скажите, что она дочь моей кузины. Недавно скончавшейся кузины, если точнее.

А интересоваться будут. Можно не сомневаться.

Томпсон кивнул.

– Конечно, ваша светлость. Если вам понадобится что-то еще, звоните.

Маркус что-то нечленораздельно промычал, и Томпсон вышел, неслышно прикрыв за собой дверь, оставив Маркуса наедине с его чаем, газетой и, скорее всего, с одним или двумя котами, которые прятались где-то поблизости.

Мистер Сопелкин – так Роуз назвала черного кота. С белыми пятнами. От Маркуса не укрылась ответная улыбка мисс Лили, когда он сказал, что кот не может называться черным, если у него есть белые пятна. Когда же в последний раз кто-нибудь вместе с ним улыбался сказанной им шутке?

Ах да, вспомнил. Вчера. Смитфилд. Его новый лучший друг. Который – господи, о чем он только думал? – придет на званый ужин уже в следующую среду и приведет с собой своих сестер и мужей сестер. Надо не забыть разослать приглашения, которые еще предстоит написать, причем так, чтобы комар носу не подточил! Маркус никогда прежде не писал приглашений, тем более не писал

их по всем правилам хорошего тона.

Если от одного этого ему не захочется послать все к черту и сбежать отсюда куда глаза глядят… Но погодите, ему уже хочется сбежать отсюда! Но он выдержит и это испытание, и все последующие, и все ради новообретенного себя – живого воплощения пристойности.

Все. Хватит тянуть время. Лили уже давно умылась, расчесала волосы и прибрала и без того прибранную комнату.

Время шло к полуночи, а ведь ее работа начнется с пробуждением Роуз, и к этому времени она уже должна быть во всеоружии.

Ничего не поделаешь: придется снять с себя одежду и надеть ночную рубашку.

Лили давно уже положила эту рубашку на середину предсказуемо необъятной кровати, где она (его сорочка) вот уже не меньше часа одиноко лежала без дела.

Если не считать делом то, что она (его сорочка) напрочь лишила девушку душевного покоя.

Весь ее, Лили, опыт общения с противоположным полом сводился к чисто служебным отношениям с поставщиками, обслуживающими бордель. Почти все эти мужчины были людьми семейными, и никто из них не позволял себе в отношении Лили никаких вольностей, а что до клиентов заведения, то она их, слава богу, никогда не видела, поскольку работала в полуподвальной комнатке возле прачечной, выходящей окнами на хозяйственный двор.

– Это всего лишь ночная сорочка, – сказала себе Лили. – И то, что я сейчас ее надену, ровным счетом ничего не значит. – К тому же спать совсем без ничего было бы куда неприличнее.

Так и не убедив себя в том, что не собирается совершать ничего предосудительного, Лили завела руки за спину, чтобы расстегнуть пуговицы на платье. Застежка на спине всегда вызывает проблемы с одеванием и

раздеванием, и сейчас привычная физическая трудность процесса усугублялась угрызениями совести, создававшими еще больший дискомфорт. К тому времени, как платье было расстегнуто, Лили покрылась испариной.

Бросив еще один опасливый взгляд на ночную сорочку и убедившись в том, что она по-прежнему лежит неподвижно, Лили принялась расшнуровывать корсет. За корсетом настала очередь нижней рубашки. Разоблачаясь, Лили, покусывая губу, выстраивала картину сегодняшнего дня. Встреча с Роуз, герцог Сердцеед, сказочные перспективы для агентства, устрашающее фойе, пугающее множество дверей, ядовито-розовая комната, наводящая на мысль о воспаленном горле, а теперь еще и эта рубашка?

От такого набора у любого авантюриста голова пойдет кругом, что уж говорить об осторожной, осмотрительной, уравновешенной, методичной любительнице порядка, какой Лили себя видела. Или какой она хотела себя видеть.

Лили взяла сорочку в руки и надела ее.

Ну вот. Ничего страшного. Так же легко и просто, как прикинуться гувернанткой.

Или благополучной женщиной.

Притом что было бы неразумно требовать от всех лиц мужского пола безупречности в одежде, для джентльмена, а тем паче для герцога, безупречность во всем, что касается внешнего вида, – непреложный закон. Если же герцога случайно увидят в наряде, не вполне отвечающем требованиям этикета, ему следует вести себя так, словно он выглядит комильфо (даже если герцог не говорит по-французски).

«Энциклопедия этикета для герцога»

Глава 8

– Неохота мне ехать за покупками. – Роуз обиженно надула губы.

– Мне не хочется ехать за покупками, – назидательным тоном поправила Лили девочку и едва удержалась от улыбки, встретившись взглядом с Роуз, которая разом повеселела. – То есть я не хочу сказать, что вы можете остаться дома, я просто показываю, как грамотно оформить мысль.

– Мне не хочется ехать за покупками, – повторила Роуз. Сдаваться она явно не собиралась. Лили подумала о том, как сильно ее воспитанница сейчас похожа на своего отца, и вновь едва сдержала улыбку. – Я хочу остаться здесь с мистером Сопелкиным и Мэгги. Мы будем пить чай. С миндальными пирожными! – Роуз, очевидно, считала, что миндальные пирожные – необычайно сильный аргумент, способный убедить кого угодно.

И Лили не могла не согласиться с девочкой. Пить чай с миндальными пирожными в обществе кота и куклы куда менее хлопотно, чем вместе с герцогом приобретать одежду для нее и ее гувернантки.

Роуз, должно быть, почувствовала, что Лили готова уступить, и, растянув рот в просительной улыбке, кокетливо захлопала ресницами.

– Пожалуйста! – взмолилась Роуз.

– Нам надо спросить у герцога.

– Он согласится, – доверительно сообщила ей девочка. И Лили была с ней согласна, поскольку он уже говорил, что не имеет опыта общения с маленькими детьми, а перспектива провести с недовольным ребенком несколько часов могла бы заставить дрогнуть и самых опытных родителей.

– Увидим, – сказала Лили.

Когда Роуз объявила герцогу о своем нежелании ехать с ним, тот лишь равнодушно пожал плечами.

– Если вы не хотите, никто вас заставлять не станет. Но вам придется положиться на наш с мисс Лили вкус и поверить, что мы выберем для вас все самое лучшее.

Можно было не сомневаться. И, конечно, когда он будет покупать ей одежду, она будет стоять с ним рядом. И некому будет разбавить компанию и понизить градус напряженности.

Роуз кивнула не глядя; она была слишком занята кормлением Мэгги, которой, похоже, тоже не очень нравилась копченая селедка.

Герцог поверх головы девочки взглянул на Лили, и она увидела искорки смеха в его глазах. Словно он знал, что с ней творится при мысли обо всех тех долгих минутах, что им предстоит провести наедине друг с другом. И даже не о минутах, а о часах!

– Через полчаса выезжаем, – резюмировал герцог.

Лили очень старалась сохранить бесстрастное выражение лица.

– Конечно, ваша светлость. Я только попрошу одну из горничных присмотреть за мисс Роуз, если это вас устроит.

– Делайте то, что считаете нужным. Меня устроит все то, что устроит вас.

Он был бы просто идеальным работодателем, если бы так разрушительно не действовал на ее психику. Разумеется, Лили не стала говорить об этом вслух.

Убедившись в том, что Роуз остается в надежных руках Этты и в окружении милых ее сердцу старых знакомых, мистера Сопелкина и Мэгги, и еще одного нового друга – рыжего кота, которого Лили видела вчера в обществе герцога и которому Роуз сегодня дала имя Апельсин, Лили отправилась поджидать герцога в фойе. Лакей подал ей плащ, и девушка не могла не заметить, что в контексте роскошного особняка герцога Резерфорда ее плащ выглядит еще более жалким и потрепанным, чем ей до сих пор казалось. Неудивительно, что он решил, будто она покупает одежду у старьевщика.

– Вы уже оделись? Пойдемте, – отрывисто бросил герцог и, первым подойдя к двери, вышел из дома, даже не подумав придержать дверь для нее. Надо признать, что сегодня герцог не отличался избыточной галантностью. Но с этим жить можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/frempton_megan/kak-perevospitat-gercoga

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити